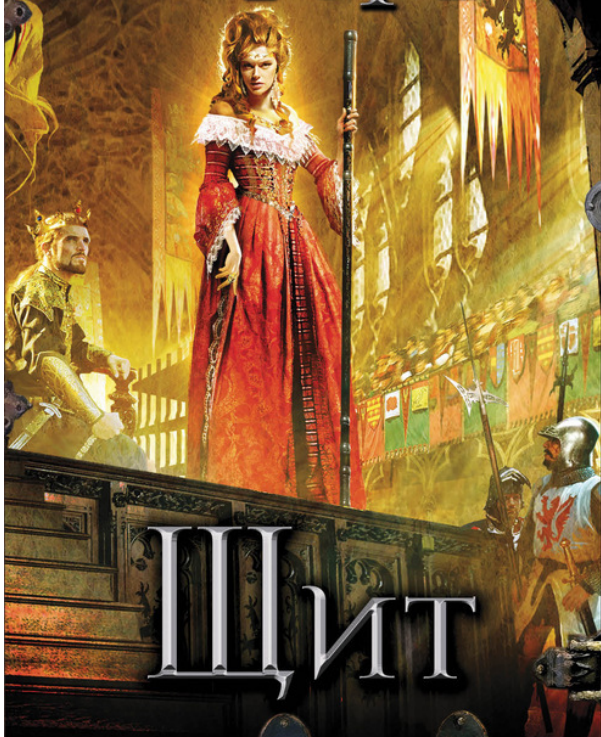

ВАСИЛИЙ ГОРЬ

ЩИТ

Василий Горь

Щит

Серия «Нелюдь», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5809941
Горь В. Щит : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-64292-2*

Аннотация

Порой мы не там ищем помощи. Или ждем ее от сильных, не думая, что цена благодарности окажется непомерной, или надеемся только на себя, не замечая протянутой руки друга.

Кром Меченый, Нелюдь, слуга Бога-Отступника, убийца во имя справедливости и отродье Зла, в глазах тысяч людей почти закончил свой Путь. На плахе. За то, что... спас дочь погибшего барона ДАтерна. Спас еще и еще раз в охваченной мятежом стране. Не ожидая и противясь благодарности. Боясь и не подпуская к себе любовь. Но то, на что в ответ отважилась Мэй, оказалось выше ожиданий, за гранью логики и понимания, превратив мечту в надежду...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	52
Глава 5	64
Глава 6	76
Глава 7	90
Глава 8	100
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Василий Горь Щит

Глава 1 Брат Растан Шершень

Шестой день четвертой десятины третьего лиственя

Унизанные перстнями и от этого кажущиеся толстыми пальцы скользнули вниз по бедру подавальщицы, на мгновение замерли на колене и устремились вниз, к стопе. Вернее, к выдавшему виды постолу¹, явно не один год впитывающему в себя все то, что когда-либо разливалось на пол «Хромого мерина».

Растан, до этого лениво потягивавший медовуху и поглядывавший на соседей по залу, мысленно поморщился: будь он на месте белого², пощупал бы ее грудь. Или, на худой конец, задницу. Благо объемы и того и другого заслуживали уважения.

¹ Постолы – вид средневековой обуви.

² Белые – дворяне. Черные – простолюдины (жарг.).

Роза³, почувствовав столь непривычное прикосновение, тоже напряглась: перестав хихикать, она встревоженно уставилась на клиента, пытаясь понять, каких еще странностей можно от него ждать.

Дворянин не обратил на ее реакцию никакого внимания – дотянувшись до края подола, он неторопливо вздернул его вверх, обнажил молочно-белую голень и провел по ней тыльной стороной ладони. Снизу вверх. От щиколотки к колену. А потом презрительно выпятил нижнюю губу и стряхнул девку со своего бедра:

– Фу-у-у... Волосата, как не знаю кто! Хозяи-и-ин!!!

– Да, ваш-мл-сть? – донеслось из-за стойки.

– Подь сюда, живо!!!

– Уже бегу, ваш-мл-сть!!! – радостно вскричал Осип по прозвищу Пуп, вылетел в зал, поскользнулся и, взмахнув коротенькими и заплывшими жиром ручонками, рухнул на заплеванный пол.

Гримаса вселенской скуки, не покидавшая лица *белого* весь этот бесконечно долгий вечер, мгновенно куда-то испарилась: он откинулся на стену и оглушительно захохотал:

– Уа-ха-ха!!! Обух, ты видел, он взмахивал руками, как подраненная утка!!!

Обух – один из двух телохранителей дворянина, сидящий ошую⁴ от него, – утвердительно кивнул:

³ Роза – девушка легкого поведения (жарг.).

⁴ Ошую – слева. Одесную – справа.

– Да, ваша милость, видел! Только, на мой взгляд, таких жирных уток не бывает...

– Ты прав, Пуп больше похож на раскормленного кабана. Но кабаны-то не летают... Жаль, что его нель... – начал было белый и прервался на полуслове. Потом задумчиво посмотрел в сторону входной двери и... вцепился в запястье все еще стоящей рядом с ним розы: – Слышь, как там тебя?

– Ивица, ваша милость! – угодливо поклонилась девка. И, выпрямившись, на всякий случай томно прогнулась в поясице.

Дворянин прогиба не заметил:

– Значит, так, Ивица! Дуй на кухню, возьми там нутряного жира, сала или масла и быстренько намажь им во-о-он те ступеньки. А потом хорошенечко натри пол перед дверью...

Роза непонимающе захлопала ресницами:

– Зачем, ва...

– Живо!!!

Девку как ветром сдуло – за какие-то пять ударов сердца она успела пробежать между столами, перескочить через тело хозяина, пытающегося прийти в себя, и исчезнуть за дверью в подсобные помещения...

Вседержитель смотрел⁵ на кого угодно, только не на Шершня: первым человеком, пересчитавшим затылком натертые жиром ступеньки, оказался не кто-нибудь, а Коттер Слива, брат во Свете, появления которого он, Растан, ждал

⁵ Вседержитель смотрит на меня – расхожее выражение, аналог нашего «везет».

уже вторые сутки!

– Уа-ха-ха!!! А этот летел, как ворон, получивший стрелу в зад!!! – хлопнув ладонями по бедрам, расхохотался дворянин. – Вишь, аж перья разлетелись...

Увидев эти самые «перья» – пару метательных ножей, вывалившихся из рукавов плаща жертвы своего сюзерена, – телохранители вскочили на ноги, выхватили из ножен мечи и заревели:

– Ты! Замри! Голову – в пол!! Руки – в стороны!!!

Слава Вседержителю, Слива не запаниковал – без всякой суеты выполнил все три приказа, а когда один из спутников *белого* начал его охлопывать, без тени возмущения подсказал:

– *Кожа*⁶ – на шее... И поаккуратнее со шнурком – задушишь...

Отодвинув в сторону капюшон плаща, свесившийся на плечо, телохранитель выпростал из-под него искомое, перевернул и смачно сплюнул на пол:

– Щит⁷, ваша милость! Из Рагнара⁸. *Кожа* настоящая...

«Настоящая... – мысленно подтвердил Шершень, как бы невзначай передвинув руку поближе к мечу и приготовившись к бою. – Жаль только, приметы не совпадают...»

⁶ Кожа – знак принадлежности к Гильдии Охранников. На ней нанесены клеймо гильдии, имя и прозвище охранника, а также две-три его приметы.

⁷ Щит – в просторечии член Гильдии Охранников.

⁸ Рагнар – королевство на северо-востоке от Вейнара.

– Гость, значит? – *Белый* подумал, усмехнулся, полез в кошель – и рядом с братом Коттером, все еще прижимающим голову к полу, упал целый желток⁹. – Ладно, гость, не обижайся! Выпей вон лучше за мое здоровье...

Слива повернул голову на звук и «алчно» блеснул глазами:

– О-о-о! Спасибо, ваша милость! Выпью! Прямо ща! Вот только в себя приду.

В это время снова заскрипела дверь, и *белый*, прикипев к ней взглядом, тут же забыл про его существование.

«Слава Вседержителю...» – мысленно выдохнул Растан, вернул руку на столешницу и вцепился слегка подрагивающими пальцами в кружку с медовухой.

– Уа-ха-ха!!! Этот, первый – прямо селезень, а второй – глухарь!!!

При желании брата Коттера можно было смело устраивать к жонглерам – он настолько естественно отыгрывал роль *щита*, дорвавшегося до возможности выпить за чужой счет, что в какой-то миг Растан даже засомневался, помнит ли Слива о цели своего появления в «Хромом мерине».

Оказалось, что да – добравшись до свободного стола и заказав себе кувшин со скарским¹⁰, луковой похлебки и гречневой каши, он, наконец, подергал себя за правый ус.

«Не может быть!!! – мысленно воскликнул Шершень. –

⁹ Желток – в просторечии название золотой монеты.

¹⁰ Скарское – дешевое вино.

Так быстро?»

Видимо, Слива каким-то образом почувствовал его удивление, так как повторил жест еще раз. Сопроводив его почесыванием небритой щеки...

Почесываний оказалось аж четыре. Слишком много для нормальной «работы».

«Ого!!! – поежился Растан. – Четыре десятка солдат нам, пожалуй, многовато...»

Видимо, Коттер считал так же, потому как хрустнул пальцами левой руки...

Шершень посмотрел в потолок и многозначительно сжал пальцы в кулак: приказы брата Рона не обсуждались, и действовать надо было сегодня.

Слива едва заметно пожал плечами и, словно забыв про существование Шершня, завистливо уставился на соседа, присосавшегося к кружке с медовухой.

Масляный фонарь, подвешенный под аркой надвратной башни, покачивался на ветру. И заставлял шевелиться тени.

Сгустки крошечной тьмы самых разных форм и размеров, со всех сторон обступившие пятно света, вырванное у ночи тоненьким язычком пламени, становились все чернее и чернее, и в какой-то момент Шершню показалось, что они оживают, впуская в себя часть сущности Двуликого.

Ощущение присутствия Бога-Отступника было таким четким, что Растан закусил губу, зажмурился и мысленно за-

тараторил «Огради»: «О Защитник всего сущего, Средоточие Света Немеркнувшего и Хранитель душ сыновей и дочерей своих! Молю тебя о спасении вечной души моей от происков Бога-Отступника, рыскающего во Тьме, от слуг его, отринувших служение Свету, и от тех, кого коснулось дыхание Мрака Кромешного! Не оставь меня, Всеблагой Отец, на пороге лютой смерти, не отступись от души моей, живущей служением тебе, избавь от коварства подлого, бед многочисленных и укрепи мою душу и тело, дабы мог я противостоять силе неистовой да соблазнам всяческим...»

Молитва читалась легко, истово, и к ее концу Шершень явственно почувствовал, что на него нисходит божественная благодать: ужас, леденящий душу, уступил место бесшабашной храбрости, а холодок, выстуживающий сердце и морозящий разум, – ощущению божественного тепла.

Несладко пришлось даже теньям: открыв глаза и вглядевшись в ночную тьму, Шершень увидел, что они начали сереть и съеживаться. А потом пропали – Бог-Отец, снизойдя в дольний мир, разорвал сплошной черный саван из облаков и на миг показал Растану лик Уны¹¹!

– Благодарю тебя, о Великий!!! – еле слышно выдохнул брат во Свете, осенил себя знаком животворящего круга и почти сразу же расплылся в счастливой улыбке: на стене, ограждающей городские владения Рендаллов, появился лишний зубец...

¹¹ Уна и Дейр – две луны Горгота.

– Брат Савари... – шепнул лежащий рядом Слива. – Дождались...

Почувствовав, что его верный слуга обрел потерянную было силу духа, Вседержитель милостиво прикрыл лик Уны еще одним облаком и вернул в мир нужную братьям во Свете тьму.

Мысленно вознеся господа еще одну молитву, Шершень махнул рукой – и пять силуэтов, выскользнувших из подворотни, без особой спешки перебрались через улицу и нырнули во мрак у основания стены. А через мгновение им на головы опустилась веревка с узлами через каждый локоть.

– С нами – Бог-Отец! – тихонечко выдохнул Шершень, поудобнее передвинул меч и полез вверх по стене...

Несмотря на работу нескольких артелей мастеров, территория особняка Рендаллов все еще хранила следы недавнего мятежа: парк, в который Растан попал после того, как перебрался через стену, оказался завален обломками статуй; фонтан, некогда радовавший глаз домочадцев и гостей графа Грасса, – полон какого-то мусора. А в торце небольшой пристройки, прячущейся в тени высоченного ореха, зиял здоровенный пролом.

Кстати, и сам особняк выглядел неважно – добрая половина окон чернела дырами, весь первый этаж оказался обнесен строительными лесами, а на месте балкона второго этажа вообще торчали обломки несущих балок...

«Туда?!» – жестом поинтересовался Шершень у брата Са-

вари, показывая на дверь над теми самыми балками.

Тот утвердительно кивнул.

«А куда идти дальше, знаешь?»

Тот снова кивнул. Потом, шевельнув руками, показал на себе весьма немаленький женский бюст и кивнул в сторону дома.

«Есть кому показать...» – удовлетворенно усмехнулся Шершень. И мотнул головой – мол, веди...

Савари пожал плечами, посмотрел на небо и неторопливо пошел в сторону кордегардии! Душераздирающе зевая и почесывая у себя между ног...

«Еще один жонглер... – невесть почему разозлился Рас-тан. – Нет чтобы вести себя как полагается?»

Впрочем, приступ злости на подчиненного прошел так же быстро, как и появился: не успел Савари сделать и десятка шагов, как из тени рядом с кордегардией вышел невысокий крепыш с алебардой в руке и лениво поинтересовался:

– Тебя че, давно не пороли?

– А я что, я ничего!!! – залезбил брат во Свете. – Не спалось. Вот я и решил подышать воздухом...

– Так я тебе и поверил... – фыркнул воин. – Завтра гляну самолично. Если окажется, что в саду появились следы твоего «дыхания», – получишь плетей...

– Не появились! Слово! – сделав вид, что испугался, Савари заломил руки. – Клянусь Вседержителем!!!

При упоминании о Боге-Отце вассал графа Грасса смор-

щился и сплюнул! Так, как будто брат во Свете помянул Двумликого:

– Ладно, вали спать... Завтра поговорим...

– Кстати, Лех, как насчет того, чтобы хлебнуть чего-нибудь горячительного? А то на улице зябко, а пить в одно рыло я не привык...

– Вот, теперь – совсем другое дело! – ехидно ухмыльнулся воин. – А то «Вседержитель», «Слово»... Надеюсь, ты припас для меня кувшин-другой белогорского¹²?

– Эх, если бы... – вздохнул Савари. – Самая обычная медовуха...

– Ну ладно, Двумликий с тобой, сойдет. А где?

– Э-э-э... Может, лучше показать?

Стражник осклабился, и «каменщик», проработавший в особняке Рендаллов целых два дня, повел его к дальнему углу особняка.

Дождавшись, пока парочка пропадет из поля зрения, Шершень осенил себя знаком животворящего круга и скользнул к помосту. Стараясь не вылезать из тени. Добрался. Влез. Запрыгнул на обломок балки и исчез в темноте. Мысленно моля Вседержителя, чтобы тот отвел глаза всем, кому не спится...

Тот, наверное, смотрел на своих сыновей, не отрываясь: не только Шершень, но и остальные братья во Свете проникли в особняк незамеченными. И, попрятавшись за остатки

¹² Белогорское – одно из самых дорогих вин этого мира.

мебели, принялись дожидаться появления Савари.

«Каменщик» вернулся только через полчаса. Слегка покачивающийся и ощутимо пахнувший дешевым пойлом. И, взглядевшись во тьму, царящую в комнате, икнул...

– С-с-сав!!! – взбесившись, зашипел Растан. – Ты что творишь, паскуда?

Брат во Свете мгновенно протрезвел. И, вытерев со лба пот, жестом поманил Шершня за собой.

«Выберемся – отправлю его к братьям-надзирающим. Пусть вправят ему мозги...» – мысленно пообещал себе Растан, выскользнул в коридор и двинулся следом за Савари.

Идти оказалось совсем недалеко – «каменщик» осторожно отворил третью дверь справа и скользнул внутрь. Шершень вошел следом, взгляделся в темноту и удовлетворенно хмыкнул: слава Вседержителю, Савари пропил далеко не все мозги. И догадался спеленать не какую-нибудь бабищу, не боящуюся ни Вседержителя, ни Двуликого, а тоненькую, как хвостинка, девчушку лиственей пятнадцати от роду.

Увидев склонившиеся над ней фигуры, она перестала мусолить кляп и задрожала мелкой дрожью.

– Жить хочешь? – шепотом поинтересовался Растан.

Девчушка утвердительно кивнула.

– Тогда расскажи, как пройти к покоям графа Грасса...

Она вытаращила глаза, а потом одновременно пожала плечами, кивнула и отрицательно мотнула головой.

– Не скажешь? – удивился Шершень и демонстративно

вытащил из рукава метательный нож.

Кивок. Утвердительный. За ним – еще один. Движение ногами, больше похожее на судорогу. И дикий взгляд, полный смертельного ужаса.

– Что, не сможешь объяснить из-за кляпа?

Еще один кивок. Вернее, несколько...

– Покои графа Грасса пострадали больше всего, и говорят, что он ночует где попало... – тихонечко объяснил Савари.

Девчушка подтвердила его слова десятком энергичных кивков.

– А ты вообще знаешь, где он сейчас?

Знала. Согласилась отвести. И пообещала не делать глупостей. Естественно, молча. А когда ей развязали ноги и поставили на пол, рухнула. И еле слышно застонала.

«Слишком сильно связал, – мысленно усмехнулся брат во Свете. – Впрочем, а чего с ней церемониться? Все равно доживает последние минуты...»

Когда девчушка смогла держаться на ногах, она взглядом показала на дверь и налево.

– На черную лестницу... – объяснил Савари. – А на какой этаж?

Пленница задумалась, а потом пять раз встала на цыпочки.

– Пятый?

Кивнула.

– Что ж, пошли.

Черная лестница особняка Рендаллов таковой только называлась – широченная, с отполированными до блеска каменными ступенями, она отличалась от виденных Шершнем белых только разве что отсутствием окон, разного рода декоративных ниш, гобеленов, картин и статуй. Если бы не дикая смесь из запахов еды, свечей, лампадного масла и нечистот, то он решил бы, что девчушка лжет.

Не лгала – этажом выше на одной из ступеней красовалось темное пятно, препротивно пахнущее мочой. На четвертом сиротливо стояло ведро с плавающей в нем тряпкой. А на площадке пятого этажа пол оказался усыпан виноградинками.

Наступив на одну из них, Растан недовольно скривился и удивленно уставился на девчушку: увидев его реакцию, она виновато покраснела.

«О как! – мысленно восхитился монах. – Значит, ее вина...»

Тем временем Савари, вслушивавшийся в тишину за дверью, удовлетворенно мотнул головой, повернулся к служанке и еле слышно шепнул:

– Ну, и куда дальше?

Девчушка задумчиво посмотрела на Шершня и... показала взглядом вниз!

– Ниже? – взбеленился «каменщик».

«НЕТ!!!» – замотала она головой. И снова показала вниз.

Оказалось, что на свою ногу. Которой пыталась нарисо-

вать схему коридоров...

«Прямо до второй развилки. Потом – одесную. Там будет что-то вроде ступенек. За ними – снова одесную, а там то ли вторая, то ли третья дверь ошуюю...» – перевел ее объяснения Шершень. Потом почесал затылок и спросил:

– А где дежурят часовые?

Ножка начала топать практически без остановок!

– То есть чуть ли не у каждого поворота? – нахмурился Савари.

Девушка кивнула.

– По-другому пройти можно?

«Угу... Если пойдете за мной...» – ожесточенно вертя головой, объяснила она.

– Пойдем. Но сначала ты расскажешь, куда и как. Только без глупостей, – прижав метательный нож к ее тоненькой шейке, выдохнул Растан.

Та кивнула. Но уже без особого ужаса в глазах – видимо, сообразив, что без ее помощи им до Рендалла не добраться.

Избавившись от кляпа, девчушка подвигала нижней челюстью, облизнула губы и хрипло прошептала:

– По коридорам вам не пройти: на этом этаже слишком много воинов. А если зайти в бельевую, выбраться в окно и пройти по карнизу, то можно дойти до кабинета его светлости. Ночью там никого не бывает. От кабинета можно пройти до опочивальни покойной графини Шаррины. Из нее через анфиладу комнат – до комнаты для пения, там – снова

выбраться на карниз...

Чем дольше Растан вслушивался в ее слова, тем меньше ему хотелось пробираться к покоям Первого министра короля Неддара по указанному маршруту. И не потому, что он казался надуманным – с этим вроде бы все было в порядке, – просто в хитросплетении коридоров и анфилад, созданном кем-то из предков графа Грасса, мог сломить ногу сам Двуликий. А Шершню и другим братьям во Свете требовалось не только дойти, но и вернуться...

«Теперь понятно, почему она успокоилась, – подумал он. – Сообразила, что будет нужна и после того, как...»

Тем временем девчушка закончила рассказ и покорно открыла рот.

Вставив в него кляп и зачем-то похлопав ее по щеке, Шершень кивнул Савари, вытер вспотевшую ладонь о шоссy, удобнее перехватил нож и скользнул в открывшуюся дверь.

Бельевая оказалась пустой – стопки простыней и пододеяльников, которые должны были лежать на многочисленных полках, исчезли в неизвестном направлении. А на их месте валялись плотницкие инструменты, гвозди и тому подобная дребедень. Очередной раз вспомнив, что в особняке всюю идет ремонт, а значит, в нем, кроме домочадцев и воинов, живут еще и рабочие, Растан подошел к окну, осторожно отворил створку и выглянул наружу.

«Высоковато. Если что – не спрыгнешь. Зато стена – темная, и на ее фоне нас не увидят. Да и карниз широкий – по

такому пройдет даже ребенок. Пройдет. Но идти всем сразу – глупо. Надо послать кого-нибудь одного...»

Повернувшись к братьям во Свете, он ткнул пальцем в Коттера и приказал:

– Слива? Иди-ка, проверь...

Тот кивнул, взобрался на подоконник и исчез. Минуты на полторы. А потом вернулся и доложил:

– Никого... Можно идти...

– Тогда ты первый, за тобой Савари, Кох с девкой, Мотня, Яго и я...

Выбравшись на карниз, Шершень посмотрел на небо и поморщился: Двуликий, почуявший появление Вседержителя, решил поинтересоваться тем, что происходит в *его*¹³ ночи, и приказал Уне окинуть взглядом улицы Аверона. Та послушно выглянула из облаков и засияла, как маленькое, но злое солнышко.

С ненавистью посмотрев на ее ухмыляющийся лик, Рас-тан мысленно помянул Бога-Отступника самыми нехорошими словами, на ощупь добрался до нужного окна и забрался на подоконник. Белые пятна, плавающие перед глазами, никак не хотели исчезать, поэтому он несколько раз моргнул, шагнул в темноту и... ослеп от страшного удара в лицо.

– А вот и последний... – донеслось до него сквозь пелену наползающего небытия.

– Замечательно! Связать – и к остальным...

¹³ В этом мире верят, что время Двуликого – ночь. А Дейр и Уна – его слуги...

Глава 2

Баронесса Мэйнария д'Атерн

Шестой день четвертой десятины третьего лиственя

Покои для сумасшедших выглядели немногим лучше, чем камера в темнице нашего родового замка: голые стены, покрытые бурыми пятнами, исцарапанный каменный пол, который в последний раз подметали еще во время правления Шаграта Первого, обшарпанная кровать без балдахина, перекошенный колченогий стол, изрезанный ножами табурет и ночная ваза. К моему удивлению, оказавшаяся чистой.

Шкафов, ковров, зеркал и тому подобных излишеств не было. Камина — тоже. Впрочем, зачем камин сумасшедшим? Они же не понимают, что огонь жжется? Значит, могут себе навредить.

Пахло в этих самых «покоях» соответственно — затхлостью, заплесневелым сыром и гнилью. Ну, и для полного счастья — нечистотами.

Единственным светлым пятном во всем этом царстве запустения, освещенном светом одной-единственной свечи, была стопка белоснежных простыней, лежащая на потертом

покрывале.

«Надо же, новые!» – отрешенно подумала я. И криво усмехнулась...

– Его светлость просил передать свои искренние извинения за то, что эту ночь вам придется провести в таких жутких условиях... – раздалось у меня за спиной. – Дело в том, что...

– Можете не объяснять... – не оборачиваясь, буркнула я. Потом вспомнила о правилах хорошего тона и добавила: – Я принимаю его извинения...

Мажордом пробурчал себе под нос что-то невразумительное, аккуратно положил на стол мешок с кромовскими трофеями и рванул к кровати. Видимо, чтобы застелить мне постель.

Любоваться на его сухощавый зад, как, впрочем, и на слащавую физиономию, мне совершенно не улыбалось, поэтому я повернулась к двери, рванула ее на себя и кивнула головой в сторону коридора:

– Можете идти: я хочу побыть одна...

– Э-э-э...

– Вон!!!

– Как прикажете, ваша милость! – мажордом изобразил куртуазнейший поклон и, обойдя меня по дуге, выскользнул из комнаты. А через мгновение в дверном проеме возникли двое воинов в цветах Рендаллов: – Ваша милость, его светлость граф Грасс приказал нам вас охранять...

– Приказ есть приказ... – стараясь держать себя в руках, выдохнула я. – Охраняйте. Но... находясь в КОРИДОРЕ!!!

Почувствовав, что я на грани срыва, они одновременно приложили к груди десницы и исчезли. Благоразумно затворив за собой дверь.

На остатках душевных сил я добралась до кровати, упала лицом вниз и, обняв Посох Тьмы, затряслась в беззвучных рыданиях: ощущение абсолютного бессилия, которое я испытала в «Королевском льве», навалилось на меня с новой силой. И в считанные мгновения выстудило душу...

...Еще совсем молоденький, но уже исполненный ощущения собственной важности парнишка, без всякой необходимости прижимающий к бедру меч, церемонно поклонился графу Грассу и звонко доложил:

– Ваша светлость! Там – королевская стража... С ордером на арест Бездушного по имени Кром...

– Что? Какой, к Дзуликому, арест? – непонимающе воскликнула я. – И... в чем его обвиняют?

Парнишка равнодушно посмотрел на меня и холодно бросил:

– В убийстве дворянина.

Я недоуменно повернулась к графу Грассу и... онемела: он откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу с таким видом, как будто собирался смотреть на выступление жонглеров!!!

«Ну уж нет. Не дожидетесь», – подумала я, выпрямила

спину, слегка приподняла подбородок, фыркнула, встала с табурета и неторопливо поплыла к Кромю. Разбираться...

Посох Тьмы, зажатый в его руке, оказался повернут не той стороной, которая мне была нужна. И я, мысленно попросив у Меченого прощения, еле слышно прошептала:

– Покажи Путь, пожалуйста...

Он нисколько не обиделся – просто пожал плечами и вытянул Посох перед собой. Да еще и повернул. Так, чтобы мне были видны последние зарубки.

Я опустила взгляд на иссиня-черную поверхность Пути, испещренную поперечными канавками, и потеряла дар речи: на нем светилась свежим срезом еще одна. Новая...

Зачем-то прикоснувшись к ней пальцем, я тяжело вздохнула. Потом встала на цыпочки и заглянула в черные, как Бездна Неверия, глаза:

– Ты действительно убил дворянина?

Кром кивнул.

– Зачем?

– Их было пятеро. Они сильничали девуку. Я услышал крик...

«Он бросился ей на помощь! И спас! Как меня! Хотя их было пятеро, а он – один...»

Как ни странно, ощущение того, что он спасает кого-то еще, меня слегка покорило. Но потом я представила себя на месте той девушки и чуть не умерла от стыда.

Впрочем, заниматься самобичеванием мне было некогда,

и уже через мгновение я пыталась вспомнить, как и когда на Посохе Тьмы появлялись новые зарубки.

Несколько мгновений раздумий – и я почувствовала себя душой: получалось, что Кром вырезал их только после того, как кого-то спасал. Либо от насилия, либо от неминуемой смерти! В первое мгновение мысль показалась мне слишком безумной: чтобы поверить в то, что слуга Двуликого может рыскать по Горготу в поисках тех, кому требуется защита, нужно было быть юродивой. Но через какое-то время я пришла к выводу, что других объяснений быть не может. И... поверила:

– Кажется, я догадалась! Каждая зарубка – это не смерть, а жизнь! Жизнь, которая не оборвалась... Так?

Меченый опустил Посох Тьмы и улыбнулся. Одними глазами:

– Так...

Я ласково провела пальцами по шраму на его щеке, прошептала «спасибо» и повернулась к графу Грассу:

– Вы слышали, ваша светлость? Их было пятеро. Они ссильничали девуку. Значит, Кром был в своем праве...

– Если бы то, что вам рассказал ваш спутник, соответствовало действительности, его бы не искали... – глядя на меня с затаенным превосходством, фыркнул граф. – Значит, он что-то недоговаривает. Или лжет...

Я вспыхнула – в чем-чем, а во лжи Кром замечен не был:

– Он всегда говорит правду!!!

Его светлость равнодушно пожал плечами и перевел взгляд на ожидающего его решения парнишку:

– Приведи десятника. Одного...

Юноша отдал воинский салют и исчез. А через десяток ударов сердца в комнату скользнул звероватого вида хейсар и... почему-то уставился на меня.

Странно, но в его взгляде горело совершенно невозможное сочетание чувств – непонимание, осуждение, безгливость и сочувствие! И это почему-то перепугало меня до дрожи в коленях.

– Представьтесь! И изложите суть дела... – не дождавшись представления и хоть какого-то намека на вежливость с его стороны, раздраженно рыкнул граф Рендалл.

Горец с хрустом сжал кулаки и нехотя посмотрел на него:

– Силы твоей деснице и остроты твоему взору, ашер! Я – десятник Махри из рода Ширвани...

Потом забыл про его существование и шагнул к Бездушному:

– Ты – Кром по прозвищу Меченый?

По своему обыкновению Кром ограничился кивком.

– Ты арестован...

Слуга Двуликого едва заметно шевельнул бровью:

– За что?

– За убийство двух дворян...

«Двух?» – мысленно отметила я и тут же затаратори-

ла:

– Они ссильничали девку! А он ее защитил!!!

– Прошу прощения, ашиара, но никакого насилия не было: девка утверждает, что ей заплатили аж два желтка и она пошла с ними добровольно...

– А под сарафан ей заглядывали? – поморщившись, поинтересовался Кром. – Попробуйте. Она должна до сих пор истекать кровью...

Хейсар помолчал несколько мгновений и нехорошо оскалится:

– Я сделаю это сам. Дая слово. А потом сообщу об увиденном судье...

Меченый утвердительно кивнул:

– Я тебя слышал...

Потом аккуратно прислонил к стене Посох Тьмы и вопросительно посмотрел на меня:

– Ваша милость, вы за ним не присмотрите?

– Не присмотрит... – угрюмо буркнул горец. – Ты – ее майягард. Значит, она должна разделить твою судьбу...

– Что?! – растерянно воскликнул Кром. – Как это «разделить»?

Хейсар пожал плечами и усмехнулся:

– Она поклялась Бастарзом, что отдала тебе свое сердце. Доказательство – след от пореза на ее левой руке...

– Какое, к Двуликому, сердце? Она сказала, что я ее майягард. То есть спаситель!

– Спаситель – это по-вейнарски. А по-хейсарски – владыка сердца. Или есть человек, которому гард'эйт¹⁴ отдает свою жизнь... – объяснил горец.

– И?

– Что «и»? Он отдает СВОЮ жизнь, чтобы жить той, которую Снежный Барс посылает его майягарду...

Я похолодела: получалось, что, спрашивая меня про Путь Крома¹⁵, горец, взявший с меня ту самую клятву, пытался понять, зачем мне становиться гард'эйтом человека, который вот-вот уйдет к Дзуликому!

Тем временем Кром, побавровев, сорвался с места, в мгновение ока оказался перед хейсаром и взял его за грудки:

– Мою судьбу она разделять не будет, ясно? Я не принимал этой клятвы, значит...

– Клятвы, данные богам, не нарушают... – даже не попытавшись скинуть со своего нагрудника руки Меченого, вздохнул горец. – Это было ее решение...

«Не суди издали, ибо вблизи все сущее выглядит иначе...» – горько подумала я: прежде, чем называть Крома красивым словом, услышанным в детстве, стоило узнать, что именно оно означает...

– Я готов взять на себя кару за нарушение этой клятвы... – оторвав воина от пола, прорывал Меченый. И при-

¹⁴ Гард'эйт – дословно «лишенный сердца». То есть тот, кто отдал сердце майягарду.

¹⁵ См. 1-ю книгу.

нялся его трясти так, что у бедняги начали класать зубы. А когда чуть не вытряс из него дух, вдруг добавил: – Любую кару, слышишь?

– Э-это-о – Кля-атва-а Кля-атв, и-илгиз¹⁶! О-от та-аких не-е отка-азы-ываю-утся...

– Мне все равно: она не понимала, о чем говорит!!!

Я почувствовала, что вот-вот сгорю со стыда: он меня защищал. Опять. На этот раз – от моей собственной глупости. Причем не перед людьми – а перед богом. А я, вместо того чтобы принять предопределение и подтвердить данное слово, стояла и хлопала ресницами!

– Оставь его, Кром! – собравшись с духом, попросила я. – Он прав...

– Нет, прав как раз Нелюдь! – подал голос граф Грасс. – Махри! Я, граф Грасс Рендалл, Первый министр короля Неддара Латирдана, подтверждаю слова Крома по прозвищу Меченый: в момент произнесения клятвы баронесса Мэйнария д’Атерн не понимала, о чем говорит. Точно так же, как не понимает этого и сейчас!

– Как это? – ошарашенно посмотрев на меня, спросил хейсар.

– Она – эйдине¹⁷, Махри... – Граф грустно посмотрел на меня. – Во время мятежа потеряла не только отца, мать и обоих братьев, но и сама чудом избежала смерти...

¹⁶ Илгиз – долижник (хейсарский).

¹⁷ Эйдине – тот, чей дух заблудился в густом тумане. То есть сумасшедший.

– Кто эйдине, я? – догадавшись, что он имеет в виду, возмутилась я.

– Увы, я узнал об этом слишком поздно... – не обратив никакого внимания на мое возмущение, вздохнул Рендалл. – Отец леди Мэйнарии, барон Корделл, был моим другом. И я считаю своим долгом сделать все, что можно, для ее скорейшего выздоровления...

В глазах хейсара появилось сомнение:

– Прости, ашер, но она выглядит нормальной!

Граф Грасс прищурился и высокомерно процедил:

– Ты сомневаешься в моем Слове?

От него повеяло таким лютым холодом, что я поежилась. А горец равнодушно кивнул:

– Да, ашер! Клятва Клятв – это шаг. Шаг, на который требуется гораздо больше мужества, чем для того, чтобы сразаться одному против армии или умереть. Ибо, отдавая свое сердце майягарду, человек лишается всего – жизни, души и даже права на свое будущее. Чтобы решиться на такое, мало быть эйдине – для этого надо проникнуться Духом Бога-Воина. И переступить через свое «я»...

– Леди Мэйнария! Вы не повторите, от чего вас спас ваш спутник? Только, если можно, коротко и без лишних подробностей, – неожиданно попросил меня граф Грасс.

Я закусила губу и отрицательно помотала головой.

– Почему? Вы уже все забыли? Или отказываетесь от своих слов?

«Прежде чем говорить – думай. Сказав слово – держи...» – мрачно подумала я. И, чувствуя себя так, как будто пытаюсь шагнуть с башины донжона в пустоту, разверзшуюся под ногами, прошептала:

– От сторонников графа Иора Варлана, от укуса акрида, от десятка с лишним Серых и приблизительно от такого же количества лесовиков. Но все это – не в один день, а...

– Достаточно, – рявкнул Рендалл. Потом повернулся к хейсару и вопросительно приподнял бровь: – Убедился?

Горец подошел ко мне, уставился мне в глаза и угрюмо усмехнулся:

– Лучшие бы ты оказалась ори'дарт'иарой¹⁸...

Потом сплюнул себе под ноги и, не глядя на Крома, приказал:

– Пошли, илгиз. Нам пора...

Меченый кивнул, провел пальцами по Пути, прислонил Посох к стене и шагнул к двери. А я вдруг поняла, что он уходит не из комнаты, а из моей жизни. Навсегда!

Ощущение абсолютного бессилия и приближающейся потери было таким острым, что я не удержалась и всхлинула:

– Стойте!!!

– Извини, ашиара, но нам действительно пора... – не глядя на меня, с легким презрением в голосе повторил горец.

– Я иду с вами. Вернее, со своим майягардом... – вцепив-

¹⁸ Ори'дарт'иара – дословно «воин в теле женщины».

ишь в налокотник Крома, воскликнула я.

Тот осторожно расцепил мои пальцы и отрицательно покачал головой:

– Не надо...

А горец хрустнул костяшками пальцев и мрачно пробормотал:

– Эйдине ходят другими путями. Ты остаешься тут...

...Слезы не помогли. Совсем. Даже наоборот – через какое-то время до меня дошло, что пока я упиваюсь своим горем в особняке Рендаллов, Кром томится в сырой и грязной камере королевской тюрьмы. Причем не один, а в компании с лесовиками, насильниками и тому подобным сбродом. Или – не дай Вседержитель – находится в пыточной, наедине с палачами!

Последняя мысль вызвала во мне такой дикий ужас, что я мгновенно оказалась на ногах, подлетела к двери, рванула ее на себя и... уперлась в широченную спину стоявшего за ней воина.

– Простите, ваша милость, но выходить из комнаты пока небезопасно... – развернувшись ко мне лицом, густым басом произнес он. – Поэтому, если можно, вернитесь обратно!

Проскользнуть между ним и стеной я не смогла – оказалось, что он двигается намного быстрее. Отодвинуть его в сторону – тоже. В общем, чуть не сломав ногти о кольчугу, я попробовала добиться желаемого по-другому:

– Мне надо срочно поговорить с графом Грассом!!!

– Я передам... – пообещал здоровяк. – Но это будет не скоро – покидать пост я не имею права, значит, смогу это сделать только после того, как сменюсь!

– Я что, арестована? – взбеленилась я.

– Нет, ваша милость! Просто в доме сейчас небезопасно...

Чувствовать себя дурой, которой лгут в глаза, было обидно. Однако шансов переупрямить воина у меня не было, поэтому я фыркнула, развернулась на месте и вернулась к себе в комнату. Думать...

Как ни странно, воин не обманул – не прошло и часа, как в дверь постучали. А когда я разрешила войти, на пороге возник граф Грасс собственной персоной. Только вот почему-то бледный, как полотно, в окровавленном и изорванном камзоле и с левой рукой, висящей на перевязи.

– Вы хотели меня видеть? – все так же на «вы» поинтересовался он.

– Д-да... – кивнула я, не отводя взгляда от заляпанной кровью повязки на его плече. – Ч-что случилось?

– Покушение... – устало потер ссадину на скуле он.

– Вы ранены?

– Ничего особо серьезного. Просто потерял немного крови...

Судя по цвету его лица, крови ему пустили достаточно. Поэтому, вместо того чтобы потребовать свободы передвижения, я о ней попросила.

Граф криво усмехнулся:

– Я не могу дать вам того, что у вас уже есть: вы совершенно свободны! А в эту комнату вас поселили только потому, что я знал о предполагаемом появлении убийц и беспокоился о вашей жизни...

– Если вы о них знали, то почему позволили себя ранить?

– Их было слишком много, а я не люблю прятаться за спинами своих вассалов...

– Ясно... Тогда получается, что теперь, когда убийцы мертвы, а опасность миновала, я могу идти, куда хочу?

– Увы, уничтожить удалось далеко не всех. Поэтому в течение нескольких дней дом вам лучше не покидать...

– Мне нужно в королевскую тюрьму! И чем быстрее – тем лучше!!!

– Если с вами что-нибудь случится, я себе не прощу. Поэтому давайте сделаем так: через час-полтора, когда рассветет, я отправлюсь во дворец. По дороге туда... или обратно я заеду в тюрьму и узнаю, что там с вашим спутником. А вечером вам расскажу...

Глава 3

Кром Меченый

Шестой день четвертой десятины третьего лиственя

От толчка в спину я увернулся без особого труда – увидел, как дернулась тень тюремщика, следующего за мной, и сместился в сторону. Жирная туша, обтянутая начинающей ржаветь кольчугой, не удержала равновесие и упала на колени, выронив из рук окованную сталью дубинку.

Я неторопливо подошел к отполированной не хуже моего посоха деревяшке и стопой пододвинул ее поближе к хозяину. А когда тот перестал проклипать скользкий пол, меня и Дзуликого, негромко сказал:

– Следующий раз сломаю. Тебя...

Тюремщик побагровел, вскочил на ноги, угрожающе набылчился и зашипел:

– Да ты... Да я... Да ты знаешь, что...

– А потом прокляну... – бесстрастно добавил я. – Кстати, могу это сделать прямо сейчас...

Жирнягу проняло. Причем мгновенно – он прикусил язык, зачем-то оглянулся и отрицательно замотал головой:

– Не надо! Я все понял!!!

– Тогда веди...

Повел. Периодически сбиваясь с шага на бег. Вернее, на то, что он считал бегом. При этом напрочь игнорировал чуть ли не все требования к сопровождению заключенных: вместо того, чтобы сопровождать меня, следуя в нескольких шагах позади, он бежал передо мной и смотрел куда угодно, но не на меня. Во время открывания решеток, перегораживающих лестницу перед каждым следующим этажом, он позволял мне стоять рядом, а открыв их настежь, не запирали, а торопливо уносился дальше.

Будь у меня желание его убить или оглушить, я бы сделал это без особого труда. Несмотря на кандалы, сковывающие мне руки за спиной. И во двор выбрался бы тоже без труда, благо забрать связку ключей с тела смог бы даже ребенок. Только вот особого толка в этом не было: чтобы пройти два десятка шагов от входной двери и до внешних ворот по плацу, патрулируемому стражей и простреливаемому со стен, требовалось быть богом. Или невидимкой...

Поднимать вверх по лестнице пять-шесть ведер¹⁹ жира, да еще и бегом, было затруднительно. Поэтому к моменту, когда мы добрались до площадки шестого этажа, тюремщик уже не дышал, а хрипел. Однако, вместо того, чтобы остановиться и перевести дух, попробовал вставить ключ в замочную скважину очередной решетки. Увы, не попал – руки

¹⁹ Ведро – местная мера веса. Порядка 8 кг.

тряслись, как во время лихорадки.

Стер пот со лба. Потом бросил на пол дубинку (!) и вцепился в ключ двумя руками!

Я мысленно восхитился: кажется, такого страха я еще ни в ком не вызывал.

«Вызывал...» – тут же мелькнуло в голове. А перед внутренним взором возникла леди Мэйнария. Лежащая в кровати и с ужасом глядящая на меня. Потом я явственно услышал ее «мама!!!» и увидел, как она теряет сознание...

Видимо, я ушел в воспоминания слишком глубоко, так как не сразу понял, что дверь уже открыта, а мой сопровождающий тихонечко канючит:

– Эй!!! Как там тебя? Нелюдь!!! Идем, а?

Я открыл глаза, оглянулся по сторонам, сообразил, что нахожусь в тюрьме, и заскрипел зубами: коротенький отрезок жизни, подаренный мне в самом конце Пути Светлой половиной Двудликого, закончился...

Услышав скрип моих зубов, тюремщик почему-то решил, что это – часть ритуала призвания Проклятия Двудликого. И дико перепугался: побледнел, вжался спиной в решетку и принялся безостановочно осенять себя знаком животворящего круга. При этом он с непередаваемой мукой смотрел на валяющуюся рядом со мной дубинку и, не переставая, кусал губы.

Мне стало смешно – один из богов королевской тюрьмы боялся! Причем не человека, а слуха, распущенного жреца-

ми Бога-Отступника для защиты его слуг от человеческой неблагодарности!

– Покидая этот храм, ты окажешься один на один с миром, в котором Двуликого считают воплощением зла... – глядя на меня с затаенной грустью, вздохнул брат Арл. – Выжить в этом мире тебе будет непросто. И не потому, что ты недостаточно силен или быстр – просто все то время, которое потребуется тебе, чтобы пройти свой Путь, ты будешь ощущать только два чувства – страх и ненависть...

– Мне нет дела до чьих-то там чувств... – подтянув ремешок на правом наруче, угрюмо буркнул я. – Есть я, мой Путь и мир, по которому он пролегает...

Жрец выслушал меня все с той же грустной улыбкой и пояснил:

– Ты меня не понял! Тебя будут бояться и ненавидеть ВСЕ до единого!!!

Я равнодушно пожал плечами:

– Главное, чтобы не били в спину...

– В спину бить, скорее всего, не будут: гораздо сильнее, чем тебя, они боятся Проклятия Двуликого...

– Что за проклятье? – без особого интереса спросил я.

– Слух, некогда распущенный жрецами Двуликого... – помалычишески улыбнулся жрец. – О том, что каждый из вас, Идущих, перед смертью способен воззвать к Богу-Отступнику. А тот, мстя за своего слугу, обязательно предает са-

мой страшной смерти всех, хоть как-то причастных к гибели Идущего.

– Слухи, не поддерживаемые чем-то реальным, забываются, – подумав, хмыкнул я.

– Мы его поддерживаем, – нехорошо усмехнулся Арл. – Если, не приведи Двуликий, кто-то из Идущих погибает, мы расследуем обстоятельства его смерти и, при необходимости, становимся орудиями воли Бога-Отступника.

– Значит, это совсем не слух...

– Считай, как тебе больше нравится. Но главное, что именно благодаря ему Идущие перестали гибнуть от ядов, подмешанных в пищу, от ударов в спину и выстрелов из придорожных кустов. Так, мы отвлеклись! На чем я остановился? Ах да: выйдя за эту калитку, ты очень быстро ощутишь, что вызываешь в людях только ненависть и страх. Ощущение пустоты вокруг будет все сильнее и сильнее и в какой-то момент станет настолько невыносимым, что ты задумаешься о смысле своего Пути. Это тоже будет испытанием – если ты справишься со своим отчаянием и найдешь в себе силы, чтобы идти дальше, то на тебя обратит внимание еще и Светлая сторона Двуликого.

– Мне все равно, кто, когда и почему обратит на меня внимание! Я хочу лишь одного – закончить свой Путь и уйти к родным, – вырвалось у меня.

Брат Арл нахмурился и с сомнением уставился мне в глаза:

– Мне почему-то кажется, что ты еще не готов...

– Почему это? – перепугавшись, что он снова отложит начало Пути на месяц, взвыл я. – Хочешь, скажу, о чем ты собираешься говорить дальше? О том, что с какого-то момента каждый шаг моего Пути будет оцениваться и Темной, и Светлой стороной! И что это наложит на меня дополнительную ответственность: если какой-то из них мое поведение вдруг покажется недостойным, то Посмертия я не получу.

– Ты видишь только одну грань нашей веры – страх, – грустно вздохнул Арл. Потом задумчиво посмотрел на статую Бога-Отступника и... тряхнул головой: – Ладно, иди: я сделал для тебя все, что мог. Остальное поймешь... или не поймешь сам.

От него веяло сочувствием. Искренним и до ужаса сильным. Я прикоснулся левой рукой к медальону, сделал шаг к калитке и... остановился:

– Спасибо. Я ценю твою помощь. Просто... я мертв. Уже давно. И безумно устал от того, что ты называешь жизнью.

– Что ж, быстрого Посмертия тебе, Идущий! – выдохнул жрец. И добавил что-то непонятное: – И благословения Светлой половины Двудикого.

– Иду, – стряхнул с себя оцепенение я и вошел в грязный и жутко воняющий нечистотами коридор.

С душераздирающим скрипом закрылась дверь. Глухо

лязгнул задвигающийся засов. Щелкнула дужка навесного замка, и из малюсенького смотрового окошка раздался облегченный вздох.

«Ну да, довел. И почти без проблем...» – мысленно усмехнулся я, растер слегка затекшие запястья и обвел взглядом камеру, в которой мне предстояло дожидаться суда.

Десять на двенадцать локтей. Испещренные надписями и рисунками каменные стены. Небольшое зарешеченное окошко под самым потолком. Четыре ряда узких трехъярусных нар. Нависающий над головой потолок и зловонная дырка в полу в дальнем правом углу камеры, если смотреть от входной двери.

Кстати, над этой самой дыркой в позе орла восседал седовласый мужик с покрытым оспинами лицом. И при этом грозно хмурил брови. Видимо, чтобы выглядеть как можно страшнее.

Мельком отметив, что он держится уж очень уверенно, я оглядел остальных сокамерников и мысленно восхитился: меня подселили к Серым! У большинства которых наверняка хватало причин, чтобы не любить слуг Двуликого.

Тем временем седовласый опростался, подтерся куском тряпки, встал, подтянул штаны и царственно прошел в левую половину камеры. Потом сел на *белые*²⁰ нары, скрестил руки на груди и соизволил меня заметить.

Видимо, его взгляд был каким-то знаком, так как с места

²⁰ Белые нары – название самого «почетного» места в камере.

над его головой тут же раздался голос кого-то из первачей²¹:

– Обзовись...

– Кром Меченый. Нелюдь, – буркнул я и неторопливо двинулся к единственному ложу, которое, по мнению Роланда Кручи, мог занимать в камере настоящий мужчина.

Радость, мелькнувшая в глазах местного головы²² после моего представления, куда-то улетучилась. Уступив место удивлению:

– Ну, и куда ты прешься, отрыжка Двуликого?

Предложение было слишком длинным – на слове «отрыжка» я оказался рядом с ним. И, наклонившись, вцепился пальцами правой руки в его правую ключицу.

Хрустнуло. Плечо седовласого опустилось на половину ладони ниже. А мои пальцы переместились на шею.

Весил он чуть больше годовалого кабанчика. Поэтому я без особого труда сдернул его с нар и легонечко встряхнул:

– Ты что-то сказал или мне послышалось?

Начавшийся было ропот как отрезало – первачи ждали реакции своего головы. Ибо в моих словах прозвучал *вызов*.

«Вся жизнь Серых – борьба за место под Дейром, – утверждал Круча. – Со дня вступления в братство Пепла они рвутся вверх. По головам друзей и врагов, по локоть, если не по шею в крови. Они быстро отвыкают бояться смерти, поэтому, общаясь с ними, всегда жди удара. В горло, в спи-

²¹ Кром здесь использует жаргон Гильдии Охранников.

²² Голова – командир отряда охранников.

ну, в пах. И никогда не показывай своего страха...»

Роланд оказался прав: несмотря на то, что седовласый задышался у меня в руке и был не в состоянии пользоваться своей правой рукой, он все-таки ударил. Левой. Метя мне в подреберье.

Я был готов и встретил его руку весьма жестким блоком. А когда выпавшая заточка звякнула о каменный пол, сломал ему еще и вторую ключицу:

– Ты – слаб. Значит, твое место – на *ветке*²³.

Серого перекосило от бешенства. Но вымолвить хотя бы слово он не смог – чтобы он не смог позвать на помощь, я чуть сильнее сдавил пальцы, а когда он начал хрипеть – отшвырнул его к двери:

– Доползешь. Сам.

Бросок удался на славу – седовласый ударился головой и потерял сознание. А я, повернувшись к остальным Серым, нехорошо ухмыльнулся:

– Посох у меня отобрали. Но я неплохо забираю души и без него.

Как я и предполагал, со сменой главы смирились далеко не все – несколько самых близких друзей седовласого решили устроить мне встречу с Уной²⁴. Естественно, не сразу, а под утро, когда, по их мнению, я должен был сладко спать.

²³ Место на ветке – то есть над отхожим местом.

²⁴ Встреча с Уной – аналог нашего выражения «устроить темную».

Одеял в камере не было, поэтому, скорее всего, мне на голову должны были набросить чью-нибудь рубашку, а потом – как рассказывал Круча, – перехватив сухожилия на локтях и под коленями, втоптать в пол.

Увы, вместо сна я предпочел погрузиться в себя²⁵ и впасть в ту самую полудрему, пребывая в которой можно было услышать даже биение сердца находящегося рядом человека.

Движение – момент, когда лежащий надо мной Серый свесил голову вниз, чтобы посмотреть, в каком положении я сплю, – удалось увидеть чуть ли не раньше, чем оно началось. И, вскинув руку, схватить первача за сальные волосы.

Рывок на себя – и он, взмахнув конечностями, смачно шлепнулся на пол между нарами.

– Темной половины Двуликого нет. Я за нее, – зловеще прошептал я, перекатился на бок и одним ударом проломил ему грудину. Потом вырубил лежащего рядом соседа, встал, стряхнул со второго яруса соседних нар еще одну «жертву бессонницы» и сломал ей оба предплечья.

Потом неторопливо сел, взгляделся в темноту, почесал грудь и спокойно улегся на место. Стараясь, чтобы в каждом моем движении чувствовалось как можно больше «лени»:

«Слабого смешивают с прахом. Равному вцепляются в глотку. А того, кто в несколько раз сильнее, – боготворят...»

Не знаю, как насчет боготворения, но все остальные

²⁵ Погружение в себя – местное название медитации.

«жертвы бессонницы» тут же сделали вид, что спят. А парочка особо пугливых довольно убедительно засопела.

Я пожал плечами, закинул руки за голову и сладко потянулся:

– Тем, кто не уgomонился: следующего лишу Души...

К часу горлицы²⁶, когда я основательно устал от созерцания досок над головой, за дверью камеры раздалось какое-то странное шкрябанье. И я, оторвав голову от подложенной под нее руки, вопросительно уставился на соседа слева.

Тот начал было чертить отвращающий знак, но потом решил, что мне это может не понравиться. И побледнел:

– Еду несут... Но до нас доберутся еще не скоро...

Я прислушался к своим ощущениям, понял, что изрядно проголодался, и криво усмехнулся, вспомнив, что кормят в тюрьме явно не разносолами.

Так оно, в общем-то, и оказалось – когда в смотровое окошко просунули одиннадцать порций того, что тут называли едой, и я почувствовал их запах, меня аж перекосило: перед тем, как попасть в котел, все ингредиенты блюд успели основательно подгнить...

В общем, для того, чтобы отдать должное такой еде, пришлось вспоминать Кручу и его рассказы о днях, которые он когда-то провел в этой самой тюрьме:

– *Кормят в ней омерзительно. В первые дни тебе кажется-*

²⁶ Час горлицы – с 10 до 11 часов утра.

ся, что лучше умереть, чем вталкивать в себя эту дрянь. И ты не ешь, надеясь, что тебя скоро выпустят и что этот кошмар закончится. А зря – три-четыре дня без еды – и ты начинаешь слабеть. Сначала эта слабость почти не чувствуется – твои руки еще способны гнуть подковы, а ноги могут проломить ребра трехгодовалому быку. Но вскоре голод, холод, тошнотворный смрад и почти полная неподвижность превращают твои мышцы в расползающиеся под пальцами тряпки. А когда ты, наконец, понимаешь, что надо есть то, что дают, и начинаешь как можно больше двигаться, оказывается, что уже слишком поздно.

Я поел. За себя, за седовласого и за соседа с проломленной грудиной. Потом бросил опустевшие плошки на пол, чтобы кто-нибудь из сокамерников вернул их разносчику, и улегся на спину, решив заняться упражнениями без движений²⁷.

Сцепил кисти перед грудью и напряг руки, пытаясь разорвать захват – двадцать ударов сердца – напряжение, десять – отдых, потом – снова напряжение.

Повторил три десятка раз. Потом свел ладони и начал их сжимать. Перед животом, над грудью и над головой...

Упражнения придумывались и делались легко. Однако через некоторое время я сообразил, что если продолжу в том же духе, то основательно вспотею, а с возможностью выкупаться в тюрьме как-то не очень. Пришлось слегка умень-

²⁷ То есть в статике.

шить напряжение и увеличить отдых.

Такой вариант оказался лучше – кровь по жилам я разогнал, а взмокнуть – не взмок.

Кстати, оказалось, что тренировка здорово ускоряет крайне неторопливое течение времени: к моменту, когда я перешел к мышцам ног, тень от решетки успела проползти от левого торца двери до моих нар и приготовилась перебраться на стену...

Когда моя фантазия иссякла и я на полном серьезе решил начать все сначала, за дверью раздалось знакомое шкрябание.

«Опять кормить?» – мысленно спросил себя я. И не угадал: оказалось, что это пришли за мной.

– Ну, где тут у вас Нелюдь? Вытащите его в коридор... – распахнув дверь, рывкнул незнакомый мне тюремщик.

Я удивленно приподнял бровь: судя по постановке вопроса, тюремщик был уверен, что ночью меня основательно покалечат. Впрочем, через пару мгновений раздумий подозрения в некоем умысле отпали сами собой – я, *черный*, мог попасть в камеру только к таким же простолюдинам. Законопослушных граждан тут было немного. Значит, в камере должны были оказаться либо лесовики, либо городские члены братства Пепла. И у тех и у других хватало оснований для большой и искренней нелюбви. Значит, особой разницы, куда меня подселять, не было...

– Ну, и где он там? – не дождавшись реакции моих со-

камерников, сидящих тише воды и ниже травы, заревел тюремщик. И от души шарахнул дубинкой по двери.

— Иду... — Я встал, неторопливо вышел в коридор и вопросительно уставился на низкорослого, но довольно-таки широкоплечего здоровяка.

Тот довольно резво оценил мой рост, статью, почесал затылок и... усмехнулся:

— Выжил?

Я кивнул.

— Ха! Жмых удавится!!! Впрочем, тебя это не касается... Давай-ка, повернись лицом к стене и вытяни руки назад!

Повернулся. Вытянул. Дождался, пока он защелкнет замок на кандалах, и двинулся в сторону лестницы.

В отличие от вчерашнего толстяка, этот не пытался показать на мне свою силу — шел в нескольких шагах позади и нес какую-то ерунду про свое близкое знакомство с одним из «самых известных слуг Дзуликого».

Я не прислушивался — пытался понять, что меня ждет впереди...

Оказалось, что впереди — встреча с королевским дознавателем. Или, как их обычно называли в народе, крысой.

Не знаю, как остальные, а тот, которому поручили расследовать мое дело, на крысу не походил совсем. Тонкий, костистый и чрезвычайно длинный нос, маленькие глазенки, прячущиеся под безволосыми надбровными дугами, лысое темя, жалкие остатки волос на затылке и на редкость тонень-

кая шейка делали его похожим на дятла, готовящегося вбить клюв в податливую древесину.

– Это ты, что ли, Кром по прозвищу Меченый? – оглядев меня с ног до головы, желчно поинтересовался он.

Я кивнул.

– Интересно, чем это ты так приглянулся десятнику Мехри из рода Ширвани?

– Махри... – поправил я.

Глаза «дятла» удовлетворенно блеснули:

– Хм! Интересно, интересно...

Что интересного было в том, что я запомнил имя этого хейсара, я не понял. Но предпочел промолчать.

– И при каких обстоятельствах вы познакомились? – не дождавшись реакции на свое замечание, спросил дознаватель.

Смысла не отвечать на этот вопрос я не видел, поэтому пожал плечами и усмехнулся:

– Он меня арестовал...

– И все?

– Угу...

– А почему он проявляет такое деятельное участие в твоей судьбе?

Что скрывается под словами «деятельное участие», я не знал и вопросительно приподнял бровь.

«Дятел» понял. И снисходительно объяснил:

– Вместо того чтобы отдыхать после суток, проведен-

ных во главе патруля на городских улицах, вышеуказанный Махри из рода Ширвани отправился на улицу Сломанных Снопов, нашел дом девицы Даурии и отвез ее не к кому-нибудь, а к лекарю Тайной службы его величества!

– И?

– Надеешься на помилование? – удивленно поинтересовался дознаватель и жизнерадостно расхохотался. Отчего его «клюв» запрокинулся вверх и уставился в потолок.

– Скорее, на справедливость... – подумав, высказался я.

– Похвально, похвально... – перестав хохотать, ухмыльнулся «дятел». – Не так часто встретишь человека, готового отвечать за свои поступки. Что ж, не буду тебя мучить неизвестностью: в результате осмотра, проведенного мэтром Диниссом, установлено, что девица Даурия действительно подверглась насилию. Соответственно, сразу после осмотра ее препроводили к нам, и в настоящее время она находится в одной из пыточных – рассказывает палачам об обстоятельствах, вынудивших ее лжесвидетельствовать против тебя...

У меня отлегло от сердца: хейсар сдержал слово, данное долиんにку, да еще и слуге Дзуликого.

Видимо, облегчение, которое я испытал, как-то отразилось на лице, так как «дятел» по-птичьи склонил голову к плечу и удивленно поинтересовался:

– А что тебя, собственно, так радует? Да, убивая того, кто ее ссильничал, ты был в своем праве. Но второй-то не виноват! Значит, на тебе убийство дворянина. И не просто убий-

ство, а совершенное оружием *белых* – мечом!

– Второго убил не я, а его друг...

«Дятел» откинулся на спинку кресла и ошалело уставился на меня:

– Не смей! Ты хочешь меня убедить, что они настолько ошалели от вида прелестей девицы Даурии, что стали рубиться друг с другом?!

– Нет. *Белый* в желто-серых цветах бросил в меня нож. А когда понял, что промахнулся, выхватил меч и прыгнул в атаку. Из-за спин своих товарищей... Тот, которого он зацепил, просто не увидел его удара и нарвался на него... Сам...

– Складно излагаешь... Я аж заслушался!

– Я не лгу. Осмотрите рану на его шее. Любой воин, знающий, с какой стороны братья за меч, расскажет вам, откуда пришелся удар.

– А какой смысл? У меня восемь... нет, девять свидетелей! И все девять готовы поручиться честью, что его убил ты. Мечом, выбитым из рук барона Фарко Эддиера.

Я криво усмехнулся:

– Простите, но их слова – наглая ложь. Я могу это доказать прямо сейчас. Раз вы говорите, что они готовы поручиться честью, значит, все они – дворяне. Девку ссильничали на задворках, где *белые* не появляются никогда. А если бы и появились, то вместо того, чтобы смотреть на происходящее, вменялись бы в бой. Или постарались бы остановить насилие. Опять же, я – простолюдин и не имею права на меч. Что

я, совсем дурак – идти на смерть ради какой-то девки?

«Дятел» раздул ноздри, прищурил глаза и в мгновение ока стал похожим на грифа:

– Решил позапираться? Зря: приговора это не изменит, зато доставит тебе массу пренеприятнейших ощущений...

Глава 4

Брат Ансельм, глава Ордена Вседержителя

Седьмой день четвертой десятины третьего лиственя

К вечеру ощутимо похолодало, и к концу Покаяния²⁸ брат Ансельм, как и все остальные монахи, облаченный в одну только власяницу²⁹, начал замерзать. Не помогали ни войлочный коврик, предусмотрительно постеленный под ноги, ни струя теплого воздуха, вырывающаяся из неприметной дыры в полу и согревающая колени, ни довольно крепкое тирренское вино, стараниями Бенора оказавшееся в чаше вместо предписанной ритуалом колодезной воды.

«А ведь когда-то я считал, что холод – это испытание Духа. И искренне радовался, что способен часами молиться, стоя на коленях на покрытом изморозью каменном полу... – дочитав последние слова проповеди, угрюмо подумал глава Ордена Вседержителя. – Каким же я был наивным!»

²⁸ Покаяние – вечерняя проповедь.

²⁹ Власяница – длинная рубашка из волос или козьей шерсти.

Тем временем хор мальчиков-послушников тоненько затянул «Слався, Вседержитель, в веках», и коленопреклоненная паства, на миг забыв о существовании брата Ансельма, в едином порыве перевела взгляды на писанный лик Бога-Отца.

Вседержитель стоически выдержал их мысленную мольбу о прощении, спасении и направлении на путь истинный и от мироточения воздержался. Видимо, не увидел в очередном дне, прожитом его паствой, ничего особенного.

Паства опустила взгляды и вздохнула. А потом слитно грянула последнюю строку исполняемого гимна. То ли для того, чтобы согреться, то ли чтобы поддержать певцов.

Могучий рев полутора сотен луженых глоток вознесся к куполу центрального зала Обители и, отразившись от многочисленных фресок с изображением жития господня, затих. И в этот же самый момент пропал и последний лучик солнца, освещавший божественный лик через малюсенькое окошечко под самым куполом.

Мысленно похвалив себя за идеально точное следование церемонии, брат Ансельм медленно оторвал правую длань от Изумрудной Скрижали и торжественно произнес:

– Да разгонит Тьму Неверия Истинный Свет, сияющий в наших душах, братья!

– Во имя Господа!!! – патетично воскликнули монахи. И гордо вскинули головы, словно представляя, как освещают наступившую Тьму светом Веры.

Впрочем, почему «словно»? Они действительно представляли. Все до единого. Ибо истово верили в то, что люди созданы Богом-Отцом именно для того, чтобы мир не поглотила Ночь.

В нише справа еле слышно чиркнуло кресало. И пламя свечи, зажженной рукой брата Магнуса, осветило белую власяницу брата Ансельма и его одухотворенное лицо...

Как обычно, последнее мгновение проповеди глава Ордена использовал во весь перестрел³⁰: в полутора сотнях восторженных взглядов успел углядеть аж три сомневающихся! И мысленно поморщился: братьев-надзирающих, работавших с этой троицей, требовалось наказать. Если, конечно, в их действиях не было *умысла*...

Не успели Врата Света сомкнуться за его спиной, как на плечах возникла меховая накидка. Закутавшись в нее поплотнее, Ансельм чуть не застонал от удовольствия – она оказалась подогретой!

– Ваше преподобие, позвольте, я помогу вам обуться? – сложившись в поклоне, поинтересовался брат Бенор.

– Разрешаю... – Глава Ордена Вседержителя вдел ноги в горячие войлочные постолы.

– Ветер с полуночи. И небо затягивает облаками... – встав с коленей, доложил помощник. – Значит, ночью, скорее всего, пойдет дождь, а под утро подморозит. Поэтому я позволил себе растопить камин в вашей опочивальне...

³⁰ Во весь перестрел – выражение, аналогичное нашему «на всю катушку».

– Правильно сделал, – улыбнулся Ансельм, представил себе жар, идущий от полыхающих бревен, и, сорвавшись с места, быстрым шагом двинулся по коридору.

Брат Бенор засеменил следом. И, понизив голос, виновато вздохнул:

– У сестры Кании начались дни очищения. Сестра Карина это подтвердила. Вы были заняты, и я взял на себя смелость поднять к вам в покои сестру Одалию.

Глава Ордена Вседержителя остановился, вопросительно изогнул бровь и уставился на помощника:

– Одалия – это которая?

– Та, которую вы изволили назвать светоносной³¹...

Вспомнив волнующие изгибы фигуры этой воистину светоносной сестры, глава Ордена ощутил, как в его чреслах начинает разгораться огонь.

– А она готова? – спросил он, заранее зная ответ.

– Да, ваше преподобие! Брат Годрим закончил с ней еще в обед, и теперь она жаждет одарить вас теплом своей души...

– Тогда поспешим, – усмехнулся брат Ансельм. – Негоже заставлять девушку ждать...

Без малого четыре сотни шагов, разделяющих главный зал Обители с покоем главы Ордена, Ансельм преодолел за считанные минуты. И, влетев в услужливо распахнутую Бенором дверь, аж застонал от удовольствия: в покоях было жар-

³¹ Светоносная – местное прозвище блондинок.

ко!

Скинув с плеч накидку и стряхнув постолы, он подскочил к столу, подхватил кубок с белогорским и сделал несколько глотков:

– Славься, о Вседержитель!

– Воистину... – эхом отозвался брат Бенор.

– Ужин, как обычно, потом... – поставив кубок на место, выдохнул Ансельм, в два прыжка оказался рядом с дверями в опочивальню, рванул их на себя и чуть не задохнулся от восхищения: на черных, как ночь, простынях сияло молочно-белое пятно – девичье тело, достойное быть воспетым в балладах самого маэстро Бенуа.

Представив Золотой Голос Белогорья, плящущийся на *его* Одалию, брат Ансельм почувствовал ревность. И мысленно прошипел: «Ну уж нет! Пусть воспевают кого-нибудь еще. А я как-нибудь обойдусь без его песен о моей женщине...»

Тем временем сестра Одалия, игравшаяся с непослушным локоном, как бы невзначай коснулась им самого кончика темно-коричневого соска и, подняв взгляд на хозяина опочивальни, облизала острым язычком ярко-алые губы.

Ансельм сглотнул, рванул ворот власяницы... и почти сразу же почувствовал, как под его коленями проминается покрывало, как его взгляд тонет в глазах светоносной сестры, а в пальцах его правой руки трепещет теплая, тяжелая и упругая девичья грудь.

– Ты сводишь меня с ума... – хрипло выдохнул он, скло-

нился над девушкой и впился в ее губы поцелуем...

Губы сестры Одалии пахли земляникой. И не только пахли – лобызая их, Ансельм явственно чувствовал сладость свежесобранных ягод и наслаждался их вкусом. Ощущения были такими волнующими, что он уделил губам Одалии целую вечность. И оторвался от них только тогда, когда понял, что *его* женщина пытается отстраниться.

Отпустил. Перевел дух. Увидел рядом темный, почти черный сосок и вдруг сообразил, что все время, проведенное рядом с этим роскошным телом, ограничивался одними только поцелуями!

Смял грудь. Медленно развел в стороны молочно-белые колени. Скользнул рукой к лону и вдруг ощутил на языке легонький, едва ощутимый привкус мяты...

«Несушка»³²?! – мгновенно оказавшись на ногах, мысленно взвыл он. И... поймал удовлетворенный взгляд сделавшей свое дело девицы!

– Годрим, паскуда! – зарычал он. – Сгною!!!

– Если успеешь... – усмехнулась сестра Одалия и... демонстративно свела колени!

Глава Ордена рванул ее голову на себя, развел пальцами веки и криво усмехнулся: даже в свете догорающих свечей было видно, что белок обоих глаз красавицы испещрен «звездами забвения» – алыми точками на месте полопав-

³² «Несушка» – местное выражение. Аналог нашего «человек с двойным дном».

шихся жил³³.

– Ну да! Мне осталось минут пятнадцать-двадцать. От силы – полчаса... – кивнула Одалия. – Так что тащить к палачам бессмысленно: я уйду к Вседержителю раньше, чем они до меня дотронутся...

– Ты уйдешь к Дзуликому, дура!!! – взбесился Ансельм.

– Да какая разница? – усмехнулась она, игриво убрала со лба непослушную прядь и заложила ее за ухо. – Главное, что ты отправишься следом за мной...

– В помаде – «Поцелуй Черной Вдовы»? – уточнил Ансельм.

– Он самый. – Девушка провела язычком по губам и ехидно сморщила носик. – И этот поцелуй был последним поцелуем в твоей жизни... Скажи, тебе сейчас, наверное, жутко страшно?

– Не последний. И не страшно, – оскалился глава Ордена Вседержителя и снова припал к губам сестры Одалии!

Та затрепыхалась, попыталась вырваться – но не тут-то было: Ансельм был намного сильнее. Поэтому наслаждался мягкостью ее губ, нехотя оторвался, дал ей отдышаться и припал губами к соску.

Поцеловал. Почувствовал, как тот начал пробуждаться, и ухмыльнулся:

– И даже не предпоследний...

– Противоядия к «Поцелую Черной Вдовы» нет!!! – пы-

³³ Жила – местное название кровеносных сосудов.

таясь отстраниться, взвыла девушка.

– Нет... – удержав ее на месте, согласился он. А потом заставил ее развести колени: – Однако к нему можно привыкнуть.

Сестра Одалия ошиблась – первые признаки приближающейся к ней смерти Ансельм почувствовал только минут через сорок. К этому времени он успел удовлетворить свою похоть всеми известными ему способами, поэтому, ощутив, что девушку начало трясти, нисколько не расстроился – спокойно встал с кровати, отогнул в сторону ковер и скинул истерзанное тело на каменный пол.

– Ты... все равно... умрешь... – зачем-то прикрыв одной ладонью лоно, а второй – искусанную грудь, прошептала девушка.

– Умру, – кивнул монах. – Но не сегодня. Кстати, ты была восхитительна! Я буду помнить о тебе всю свою очень долгую жизнь.

– Тварь!!! Изверг!!! Животное!!!

– Ты повторяешься. Придумай что-нибудь еще.

– Я тебя ненавижу!!!

– И это ты уже говорила...

Девушку выгнуло дугой. Несколько мгновений она билась в судорогах и исходила пеной, а потом, не успев толком перевести дух, прохрипела:

– Да падет на тебя Проклятие Двудликого!!!

Один из желто-серых ключьев пены, сорвавшись с ее губ, упал на пол в полутора пальцах от ковра. Брат Ансельм вскочил, на всякий случай отодвинул его к стене, вернулся на кровать и с сочувствием посмотрел на Одалию:

– Открою тебе страшную тайну: богам нет дела ни до нас, ни до наших бед. Приблизительно так же, как и нам нет дела до проблем муравьев или кузнечиков. Говоря иными словами, для богов мы слишком ничтожны, чтобы у них появилось желание прислушиваться к нашим мольбам.

– Ты богохульник!!!

– Угу. И это – лучшее доказательство того, что я прав: если Вседержителю нет дела до мыслей главы своего собственного Ордена, то на остальных ему вообще наплевать!

– Тебя про... проклянут все бо... боги Горгота!!! – закатив глаза, прошипела девушка. И забила в новом приступе. На этот раз – в намного более сильном, чем первый: ее ломало так, что Ансельму пришлось спрыгнуть с кровати, связать ей руки и заткнуть рот, чтобы ее вопли не перебудили всю Обитель.

Справился. Невесть как умудрившись не перемазаться в пене. Потом выждал, пока она придет в себя, и усмехнулся:

– Как видишь, до сих пор не прокляли... Кстати, третий приступ будет еще более болезненным...

Сестра Одалия помертвела и... заплакала! Сразу превратившись из красавицы в жуткое зареванное чудовище.

Впрочем, отворачиваться от нее было еще рано: Ансельм

опустился на колено, вытащил из-под кровати небольшой сундучок, достал из него склянку с плотно притертой крышкой и показал ее сестре Одалии:

– Посмотри-ка сюда! Это – «Касание Безмолвия». В отличие от «Поцелуя Черной Вдовы», оно убивает мгновенно и абсолютно безболезненно. Если скажешь, кто тебя послал, – я подарю тебе легкую смерть.

Через два часа после смерти сестры Одалии глава Ордена Вседержителя, наконец, отлип от зеркала и облегченно перевел дух – «звезды забвения» так и не появились.

– Моя предусмотрительность очередной раз спасла мне жизнь, – удовлетворенно выдохнул он, заглянул в опустевший кувшин и заревел: – Бе-е-ено-о-ор!!!

Через десяток ударов сердца дверь еле слышно заскрипела, и в комнате возникла сгорбленная фигура его правой руки:

– Да, ваше преподобие?

Вглядевшись в глаза монаха и не увидев в них ни любопытства, ни возмущения, ни жалости к валяющемуся на полу бездыханному телу, Ансельм мысленно похвалил себя за правильный выбор помощника и отрывисто бросил:

– Распорядись, чтобы накрыли на стол. Убери труп. Потом пригласи ко мне в кабинет Рона и Ламма.

Бенор сложился в поклоне и пропал. Так, как будто его и не было.

Еще раз заглянув в зеркало и придирчиво осмотрев белки глаз и внутреннюю поверхность век, Ансельм привычно осел на знаком животворящего круга, посмеялся над въевшимися в плоть привычками и пошел одеваться – представлять перед иерархами в чем мать родила было бы верхом неуважения. Прежде всего, к самому себе.

Оделся. Обулся. Вышел из опочивальни, задумчиво уставился на мерную свечу и по-простецки почесал затылок: дело шло к полуночи, то есть иерархи, скорее всего, уже спали.

– Ничего, проснутся. Я же не сплю! – Он невесть в который раз за вечер посмотрел на свои пальцы и окончательно успокоился: трястись они перестали. Совсем. Значит, Темная половина Двумликого, заглянувшая в Обитель, наконец-то убралась восвояси.

– Ваше преподобие, ужин сейчас принесут! – вынырнув из-за портьеры, доложил Бенор. – Вы позволите проводить вас в трапезную?

– Дойду сам. Займись телом в опочивальне.

Помощник кивнул и исчез за дверью. А Ансельм, почесав скулу, подошел к окну и уставился на факел, торчащий из держателя у входа в исповедальню.

«Ну вот, опять кто-то почувствовал себя виноватым... – криво усмехнулся он. – Небось, возжелал скоромного или кому-то позавидовал. А отец-исповедник должен просыпаться и нестись через всю Обитель, чтобы выслушивать

бред, который не стоит и гнутого копья³⁴. Муравьи, воистину муравьи. Впрочем, о чем это я? Эти мелкие проблемы – их жизнь! А пока они ими живут, мы, боги, можем делать все, что захотим...»

³⁴ Копье – мелкая серебряная монета.

Глава 5

Кром Меченый

Седьмой день четвертой десятины третьего лиственя

Вторая ночь в тюрьме тянулась бесконечно долго. Я таращил глаза в темноту, прислушивался к происходящему в коридоре и холодел от любого звука, доносившегося через смотровое окошко.

Нет, криков пытаемых до шестого этажа не доносилось. Однако для того, чтобы покрыться холодным потом, мне хватало скрипа открывающихся решеток, голоса какого-нибудь тюремщика и даже чьего-нибудь приглушенного кашля.

«За мной...» – обреченно думал я и невесть в который раз с момента окончания допроса вспоминал Роланда Кручу и его рассказ о королевских палачах и способах, которые они используют для того, чтобы сломать арестанта.

– Знаешь, я не верю в то, что человек, попавший в руки палача, способен что-либо утаить... – глядя в пламя костра невидящим взглядом, глухо пробормотал он. – Эти люди – настоящие мастера своего дела. Они способны заставить тебя признаться даже в том, что ты никогда не делал.

– Что, оговорить себя? – недоверчиво спросил я.

– И себя, и друзей, и родственников, – не глядя на меня, угрюмо буркнул он. – Причем так, как надо ИМ.

Я представил себе, что оговариваю Ларку, и фыркнул: Роланд говорил чушь. Причем редкостную.

Услышав мое фырканье, Круча зябко повел плечами, потом подкинул в костер пару поленьев и посмотрел на меня... с сочувствием:

– Порог тюрьмы – это грань между двумя мирами. Миром живых и миром мертвых. Те, кто ее переступают, в одночасье лишаются всего того, что считали жизнью, и довольно быстро начинают растворяться в безвременье.

Последнее предложение звучало слишком красиво, чтобы в него можно было поверить. И я улыбнулся:

– А вместе с ними, конечно же, растворяются их мужество, умение переносить боль и все остальное.

Роланд... кивнул:

– Да. Именно так! Только смеяться тут я бы не стал. Не над чем: тюрьма – это действительно другой мир. Первое, что ты ощущаешь, оказавшись в камере, это отсутствие времени: минуты тянутся, как часы, а часы превращаются в вечность. И это – не пустые слова: в королевской тюрьме окна есть только на шестом этаже. А те, кто оказывается на первых пяти или в подземельях, не видят ни смены дня и ночи, ни смены времен года... Чем очень неплохо пользуются палачи...

– Каким образом?

– Душа любого человека чем-то похожа на здание. То, что он видит вокруг себя – небо, землю, солнце и даже людей, – это фундамент. Жизненный опыт, навыки, знания и черты характера – это стены. Вера в богов – крыша. Так вот, прежде чем заняться твоим телом, палачи вдребезги разрушают это здание. А потом берутся за обломки...

– Н-не понял?

– Ты привык есть дважды или трижды в день? Там тебя будут кормить один раз в сутки. Или раз в два дня. Причем промежутки между кормлениями будут разными. Чтобы хоть как-то ориентироваться во времени, ты начнешь обращать внимание на смену тюремщиков и... ничего не добьешься: их меняют, как Двуликий на душу положит. Попытка прислушиваться к своим потребностям тоже ничего не даст – в этом мире ты не сможешь нормально двигаться. Поэтому твое тело не будет уставать и требовать сна.

– А что, потерять ощущение времени так страшно?

– Само по себе – нет. Поэтому одновременно с этим тебя заставят забыть об окружающем мире, научат опасаться людей и лишат возможности думать о чем-то, кроме пыток. – Круча поскреб подбородок, взгляделся во тьму между деревьями и сплюнул: – Если ты не совершил ничего из ряда вон выходящего, то между сообщением о том, что тобой займутся палачи, и встречей с ними обычно проходит

несколько дней. Все это время ты вслушиваешься в крики пытаемых, взглядываешься в истерзанные тела соседей по камере и примеряешь испытанное ими на себя. Если у твоего соседа по нарам окажутся вырванными ноздри, то ты невольно начнешь прикасаться к своим. И чуть ли не каждую минуту будешь представлять ту боль, которую испытываешь, когда палач возьмет одну из них клещами и рванет на себя. Увидев след от ожога, ты не одну сотню раз представишь себе прикосновение раскаленного прута или клейма. А при каждом взгляде на гноящиеся впадины на местах чьих-то глаз ощутишь дикий, ни с чем не сравнимый ужас и начнешь взглядываться во все, что видишь, чтобы запомнить этот мир...

— То есть я буду думать только о пытках и начну бояться боли еще до того, как ее испытаю?

— Да... — кивнул Роланд. — Поэтому, услышав звук шагов в коридоре, ты начнешь покрываться холодным потом, вжимать голову в плечи и молить всех известных тебе богов, чтобы тюремщики шли не за тобой. Увы, боги будут смотреть куда угодно, но не на тебя: рано или поздно ты услышишь свое имя и... сделаешь первый шаг к тому, чтобы потерять Веру...

Нарисованная им картина выглядела жутковато, но не более. И я, довольно быстро найдя выход, непонимающе уставился на Кручу:

— Но ведь человек, разуверившийся в милосердии богов, все-

гда может уйти!

– Может, – криво усмехнулся Голова. – Но желающих лишиться не только жизни, но и Посмертия не так немного...

Перед моими глазами тут же возникло личико Ларки, и я с хрустом сжал кулаки: Роланд был прав – потерять и жизнь, и возможность воссоединиться с родными хотя бы после смерти было бы невыносимо.

– После потери души ты начнешь думать о своем теле. О том, что, потеряв большие пальцы рук или сами руки, ты превратишься в обузу для семьи. Лишившись ног – в обрубок, неспособный самостоятельно передвигаться. Естества – в бесполое существо, не нужное даже самому себе. И... начнешь размышлять о том, что бы такого на себя наговорить, чтобы как можно быстрее прекратить эти мучения и оказаться на эшафоте.

Не знаю, как насчет размышлений о самооговоре, а насчет ожидания тюремщиков Роланд оказался прав – всю ночь до самого рассвета я вслушивался в происходящее за пределами камеры и пытался представить то, что меня ждет.

Когда стена рядом с входной дверью начала сереть, мне стало немного легче, и я попробовал погрузиться в себя. Однако стоило мне начать упражнение на сосредоточение, как у соседа сверху начался горячечный бред. И к его беспрестанным стонам, одышке и хриплому кашлю, к которым я уже худо-бедно привык, добавилось неразборчивое бормотание, изредка перемежаемое вскриками.

Представлять себе горящую свечу и не думать об окружающем мире, слыша эти вопли, оказалось выше моих сил. Поэтому, мысленно обругав себя за то, что сломал Серому грудину, а не позвоночник, я открыл глаза и мрачно уставился в доски над головой.

Через некоторое время сверху донесся захлебывающийся кашель и полухрип-полустон:

– Спаси-хр-р-р и сохрани... кхе-кхе-кхе... Вседержитель...

Я мысленно усмехнулся: Серый вспомнил о Боге! О том самом, которого отринул, выйдя в ночь³⁵ и взяв чужое добро или первую жизнь³⁶.

– Кончается, бедняга, – еле слышно выдохнул кто-то слева. И испуганно затих. Видимо, решив не будить лихо.

Лихо подумало, представило себе возможные перспективы³⁷ в случае смерти соседа сверху, «проснулось» и, вместо того, чтобы наказать того, кто потревожил его сон, распорядилось переложить «беднягу» куда-нибудь поближе к *ветке*.

Судя по недовольному сопению сокамерников, вставать с нар, чтобы перенести покалеченного товарища в противоположный угол камеры им не очень-то и хотелось. Однако отказываться выполнять мой приказ желающих не оказалось – не прошло и трех десятков ударов сердца, как хрипящее те-

³⁵ Выйти в ночь – аналог нашего «выйти на большую дорогу».

³⁶ Взять жизнь – убить.

³⁷ Кром имеет в виду физиологические реакции тела на смерть.

ло оказалось по соседству с седовласым.

Удостоверившись, что «носильщики» вернулись на свои места, а не подкрадываются ко мне с желанием отомстить за ранний подъем или что-нибудь еще, я перевернулся на спину и начал разминать шею.

Эдак к середине тренировки, когда я перевернулся на живот, зацепился пальцами ног за край нар и прогнулся в спине, лязгнула заслонка над смотровым окошком, и заглянувший в камеру тюремщик угрюмо приказал всем оставаться на своих местах.

Серые не возражали. Я – тем более. И успокоенный нашим послушанием вояка загромыхал замком.

Распахнув двери и вглядевшись в полумрак, царивший в камере, Жмых – тот самый жирняга, которого я обещал проклясть, – поднял факел повыше, уткнулся взглядом в мое лицо и... виновато вздохнул:

– Я, это... за тобой! Ну... ты давай... Вставай, и... к стене... И руки того-сь... ну-у-у... назад... Ладно?

В голосе тюремщика так явственно звучало нежелание меня куда-то вести, что я не смог над ним не подшутить:

– Лениво... Видишь, я отдыхаю.

Жирняга вытаращил глаза, сглотнул, смахнул со лба капельки пота и... уставился в пол:

– Ты... эта-а-а... не дури! Мэтр Марек и так зол на весь Горгот.

– А чего зол-то? – лениво потянувшись, спросил я.

– Дык подняли его ни свет ни заря. Вот и бесится.

– Прямо как меня... – усмехнулся я и почесал щетину на подбородке. – Взбеситься, что ли? А кто поднял-то?

– Его милость господин Шайгер, – громким шепотом сообщил тюремщик. И... побагровел, сообразив, что отвечает на вопросы заключенного, вместо того чтобы вести его туда, куда приказали!

– Ладно, Жмых, не дергайся, – миролюбиво улыбнулся я. – Пойду я к твоему Мареку. Но сначала отолю.

Пока я справлял естественные потребности, жирняга хмурил брови и пристально вглядывался в лица моих сокамерников – видимо, искал причину, чтобы сорвать злость. А когда я закончил, тут же забыл про их существование и виновато уставился на меня:

– Руки... эта-а-а, подставь...

Подставил. Дал ему защелкнуть кандалы и неспешно вышел в коридор. Стараясь ничем не выдать своего страха перед будущим.

Попросив меня подождать, Жмых торопливо закрыл дверь, задвинул засов, вдел на место замок и дважды повернул в нем ключ. Потом захлопнул задвижку на смотровом окошке и глухо проворчал:

– Слышь, Меченый, ты... эта-а-а, не держи на меня зла, ладно? Я человек служивый. Делаю, что прикажут.

– Ладно, – кивнул я. И, не дожидаясь приказа, двинулся в сторону лестницы.

Обрадованный моей покладистостью, жирняга ощутимо расслабился и громким шепотом сообщил:

– Ты, эта-а-а, когда пытаться начнут, лучше терпи. Мэтр Марек не любит трусов. А тех, кто ведет себя как мужчина, мучает не так сильно.

По спине потекли капельки холодного пота: «дятел» решил поторопиться и обойтись без разрушения души.

– Так Марек – палач? – стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более равнодушно, поинтересовался я.

– Угу... Да ты о нем слышал – его обычно называют Душегубцем.

Слышал. И даже видел – на Лобной площади Аверона во время казни шайки Волчары Старза. Правда, в тот день мэтр Марек скрывал лицо под алым капюшоном, поэтому я запомнил не черты его лица, а особенности фигуры. И, конечно же, продемонстрированную им филигранную технику владения ломиком, клещами и топором.

Пока я вспоминал кажущуюся легкость движений королевского палача и чудовищную силу его ударов, мы спустились в подвал, углубились в темный, освещенный единственным факелом, коридор и вскоре оказались перед широченной двустворчатой дверью, из-за которой тянуло о-о-очень неприятными запахами.

– Спаси и сохрани тебя... э-э-э... Дзуликий! – шепотом «благословил» меня тюремщик. И, толкнув одну из створок, молодецкато гаркнул: – Заключенный Кром по прозви-

щу Меченый доставлен!!!

– Давай его сюда, – ухнуло ему в ответ, и я, не дожидаясь уговоров, вошел в пыточную.

Первой мыслью, посетившей меня, стала мысль о том, что владения Душегубца мало чем отличаются от владений Бразза-кузнеца – что у одного, что у другого нельзя было ступить и шага, чтобы не наткнуться на какой-нибудь стол, столик или поддон с инструментами, не смахнуть со стены какую-нибудь железяку и не напороться на жаровню или подвешенные к потолку меха. Хозяева кузницы и пыточной тоже смотрелись одинаково – как и мастер Бразз, мэтр Марек предпочитал работать в кожаном фартуке на голое тело, в кожаных шосссах и войлочных сапогах. А еще и тот и другой коротко стригли волосы, брили бороды и усы и постоянно что-то вертели в руках – Борода предпочитал молоток, а Душегубец, видимо, клещи. Впрочем, стоило мне привыкнуть, как это ощущение похожести тут же пропало – в отличие от кузницы, в пыточной пахло не углем и железной окалиной, а кровью и нечистотами.

Дав мне время оглядеться, ее хозяин щелкнул пальцами, и ко мне метнулись два высоченных здоровяка, до этого расслабленно стоявших по обе стороны от входной двери. Споро освободив меня от кандалов и заломив мне руки, они в мгновение ока доволокли меня до кресла с высокой спинкой, стоящего перед очагом, и ткнули меня носом в покрытое шипами сиденье...

– Знаешь, что это такое? – раздалось справа-сзади.

– Трон короля Якуна, – ответил я.

– Пра-а-авильно, – довольно протянул Душегубец. – А посидеть на нем хочешь?

– Нет.

– А придется!!! – тоненько проверещало слева, и я, повернув голову, увидел до безобразия довольное лицо «дятла», сидящего за низеньким столиком рядом с вертикальной дыбой.

– С чего это вдруг? – постаравшись, чтобы в моем голосе не было страха, «удивленно» спросил я. – О том, что я – Бездушный, вы знаете не хуже меня. Значит, вместо того, чтобы выбивать из меня признания, вы должны провести полноценное расследование, допросить с пристрастием всех имеющих у вас свидетелей и доложить о результатах одному из членов Внутреннего Круга короля Неддара Латирдана...

Дознаватель опешил. Видимо, не ожидал, что слуга Двуликого способен связно изложить принципы особого судопроизводства. А я тем временем продолжил. В том же духе:

– Поэтому, если вы не горите желанием оказаться на этом же троне сразу после меня, то прикажите своим помощникам найти кресло поудобнее...

Чтобы прийти в себя и подобрать отвалившуюся челюсть, «дятлу» потребовалось не так много времени – не успел я договорить последнюю фразу, как он изобразил восхищенную улыбку и приказал громилам дать мне выпрямиться.

Те повиновались. И даже повернули меня так, чтобы я оказался лицом к столу.

Тем временем дознаватель изобразил в воздухе еще один жест, и за моей спиной неприятно лязгнуло.

Оглянуться мне не дали – один из громил сомкнул пальцы у меня на затылке и легонечко тряхнул:

– Сма-а-ари вперед!!!

Я пожал плечами и усмехнулся:

– Хорошо...

Лязгнуло еще раз. Потом я услышал звук шагов, увидел, как на лице «дятла» расплывается довольная усмешка, и изо всех сил стиснул зубы – дознаватель знал, как обойти закон! И явно собирался этим воспользоваться!

Глава 6

Баронесса Мэйнария д'Атерн

Седьмой день четвертой десятины третьего лиственя

— А вот и ваши покои... — с явным трудом отворив массивную дверь, которую было бы затруднительно вынести даже тараном, чопорно произнес мажордом. — Прошу, ваша милость...

«Небось, еще одна темница. Просто расположенная не в подвале, а на четвертом этаже...» — угрюмо подумала я, вплыла в комнату и... на несколько мгновений отвлеклась от мыслей о Кроме.

Гостиная — а, судя по отсутствию кровати, это была именно она — выглядела роскошнее, чем иные залы королевского дворца! Потрясающей красоты ковер, устилающий пол от стены и до стены. Полированные стены из серого мрамора и красной яшмы, увешанные огромными картинами в позолоченных рамках. Высоченный потолок, покрытый лепниной и украшенный потрясающе красивыми фресками. Камин, в котором, при желании, можно зажарить кабана. Изысканная мебель, подсвечники, шторы...

– Это – зал для приемов, – гордо сообщил мажордом. – За дверью слева – кабинет. Справа – гардеробная, а слева – комната для омовений и опочивальня...

«А у Меченого всего этого нет. Только голые стены, покрытые плесенью и бурыми потеками, холодный каменный пол и дверь, запирающаяся снаружи...» – горько подумала я и несколько раз моргнула, чтобы удержать наворачивающиеся слезы.

В этот момент портьера, занавешивающая дверь по правую руку от меня, шевельнулась, и передо мной предстала на редкость неприятная тетка лиственей эдак сорока – сорока пяти.

Присев в изысканном реверансе, она почтительно склонила голову... и зыркнула на меня исподлобья взглядом, за который у нас в замке получила бы плетей.

– Магда... – представил ее мажордом. – Ваша служанка...

Настроение у меня было не очень. Поэтому, окинув взглядом ее замысловатую прическу, костистое лицо, крючковатый нос, белые, презрительно поджатые губы и раздвоенный подбородок, «увенчанный» парой здоровенных черных родинок с торчащими из них седыми волосками, я пришла к выводу, что она похожа не на служанку, а на тюремщика. На такого же, как те, которые охраняют Крома...

– Бочку наполнили, ваша милость... – процедила «тюремщица». – Позвольте вас проводить...

Я сделала шаг к двери и остановилась, засомневавшись,

должна ли я, как гард'эйт Крома, нежиться в горячей воде, если он, находящийся в тюрьме, не имеет такой возможности...

Увидев выражение моего лица, Магда презрительно фыркнула – видимо, решив, что я – деревенщина, моющаяся раз в год или того реже!!!

Я застонала. Мысленно. Представив себе, какие слухи поползут по столице в ближайшие дни:

«Порченная Бездушным, сумасшедшая, да еще и не можетя!!!»

Тем временем служанка изобразила сочувствие и «понимающе» вздохнула:

– Я понимаю, вам пока не до мытья... Что ж, тогда я прикажу вылить воду и...

Не удостоив ее ответом, я медленно повернулась к мажордому и высокомерно поинтересовалась:

– А что, в вашем доме у каждой дворовой девки – свое собственное мнение?

Тот на миг утратил невозмутимость, волком посмотрел на Магду и начал что-то объяснять. А я смотрела поверх его головы и старательно сдерживала улыбку: до меня, наконец, дошло, как получить возможность хоть изредка выбираться в город!!!

Когда мажордом закончил извиняться за поведение Магды и сложился в куртуазном поклоне, я скучающе посмотрела в окно и лениво произнесла:

– Завтрак подайте в кабинет... эдак к часу горлицы... К полудню пригласите ко мне куафера... А к часу оленя³⁸ заложите карету – мне надо съездить в лавку к мэтру Лауну, чтобы примерить и забрать заказанное платье.

Первые два требования мажордом воспринял, как полагается. А третье заставило его напрячься:

– Я могу послать за ним кого-нибудь из слуг...

Я изумленно изогнула бровь и поинтересовалась:

– По-вашему, они смогут его примерить?

– Н-нет, но...

– Тогда заложите карету и обеспечьте мне достойную охрану.

В бочку с водой я все-таки полезла. И не потому, что перестала считать себя гард'эйтмом Крома. Просто в какой-то момент я вдруг поняла, что думаю совсем не о том: человек, отдавший сердце, – не овца, бездумно следующая навстречу смерти, а воин, обязанный защищать своего майя-гарда от невзгод! Значит, вместо того, чтобы отказывать себе в бытовых мелочах, я должна сосредоточиться на решении единственно важного вопроса: на вызволении Крома из тюрьмы. А для этого надо выглядеть безупречно.

Опустившись в воду, я закрыла глаза, дождалась, пока Магда начнет мыть мне волосы, и погрузилась в раздумья:

«Итак, чтобы вытащить Крома, мне нужно добиться ауди-

³⁸ Час оленя – с 2 до 3 часов дня.

ении у короля Неддара. Причем не абы когда, а сразу после того, как подчиненные графа Грасса подтвердят факт захвата Атерна вассалами Иора Варлана: тогда Латирдан будет чувствовать передо мной вину и не сможет проигнорировать мою просьбу. Кроме того, для того, чтобы он меня услышал, мне каким-то образом надо будет доказать свою нормальность. А значит, раздобыть доказательства того, что Кром меня действительно спасал. Следовательно, прежде чем ехать во дворец, надо узнать, нет ли известий из Атерна, каким-то образом заставить графа Грасса отправить голубей в Меллор, чтобы сотрудники Тайной службы подтвердили факт убийства Серых...»

Додумать мысль до конца мне не дали – справа тихонько скрипнула дверь, и до меня донесся звонкий девичий голос:

– Ваша милость! Десятник Арвазд из рода Усмаров просит вас уделить ему несколько минут.

– Он – хейсар? – торопливо смыв с лица мыльный корень, уточнила я.

– Да, ваша милость!

– Проводи его в гостиную. И передай, что я скоро буду.

Все время, пока меня одевали, я кусала губы от нетерпения и молила бога о том, чтобы он дал мне возможность переговорить с этим самым Арваздом до возвращения графа Рендалла. Естественно, молила не Вседержителя, а Бастарза,

ибо Бог-Отец ни за что не стал бы помогать кому бы то ни было вытаскивать из тюрьмы слугу Двуликого.

Что интересно, к Богу-Отцу я обращалась без всякого внутреннего сопротивления. Ибо уважала его еще с того времени, как слышала легенду о его сватовстве к Эйдилии³⁹ и великодушии, проявленном им к своему более удачливому, но менее сильному сопернику.

Бог-Воин явно смотрел на меня, ибо ниспослал ожидающему меня хейсару достаточно терпения, чтобы меня дождаться.

Когда я переступила порог гостиной, горец стоял у окна и смотрел вдаль. А услышав шуршание моего платья, неторопливо повернулся, пристально посмотрел мне в глаза и склонил голову в приветствии:

– Полной чаши твоему дому и плодovitости лону, ашиара! Я – десятник Арвазд из рода Усмаров.

– Силы твоей деснице и остроты твоему взгляду, – ответила я. – Я – баронесса Мэйнария из Атерна.

– У нас говорят «остроты взору», – поправил меня он. – Но сути пожелания это не меняет. Особенно если говорящий вкладывает в эти слова душу.

Мне было не до тонкостей обмена приветствиями, но, вспомнив рассказы отца о весьма своеобразном отношении хейсаров к беседе, я заставила себя не торопиться и утвердительно кивнула:

³⁹ Эйдилия – богиня любви.

– Когда я ем – я ем. Когда я... э-э-э... вышиваю – я вышиваю...

Вообще-то хейсарская притча о разговоре мастера Меча со своим учеником должна была звучать иначе – вместо вышивания мастер говорил о бое. Но воином я не была, значит, говорить, что вкладываю душу в каждый удар клинка, не могла.

Пока десятник, сообразивший, что я имела в виду, размышлял над тем, как строить беседу дальше, я прошла к одному из кресел, стоящих напротив камина, опустилась на бархатное сиденье и предложила Арвазду располагаться напротив.

Горец отказываться и не подумал – уселся на указанное место с таким видом, как будто всю жизнь сидел в присутствии дворян!

Я удивления не показала. Зато Магда, так и оставшаяся стоять у двери, возмущенно поджала губы и нахмурилась.

«Выставить бы ее в коридор! – угрюмо подумала я. – Да не пойдет – побоится гнева графа Грасса...»

– Ашиара, я – старший сын увея⁴⁰ Бастарза. Хочу поговорить о данной тобой клятве...

«...и о моем сумасшествии...» – мысленно добавила я, нервно постучала ногтями по подлокотникам и заставила себя успокоиться:

– Спрашивай.

⁴⁰ Увей – верховный жрец Бастарза (хейсарский).

– Ты бы не могла повторить мне слова, сказанные Богу-Воину?

– Кром по прозвищу Меченый – мой майягارد. Да забудет про меня Снежный Барс⁴¹, если я лгу.

– А когда ты отворила свою кровь? До того, как это сказала, или после?

– До... – ответила я, без колебаний задрала левый рукав и показала ему подживающую царапину.

Воин внимательно посмотрел на нее, мрачно хмыкнул и встал:

– Спасибо. Это все, что я хотел узнать.

– Подожди, – криво усмехнулась я. – Удели мне еще немного времени.

– Зачем? – удивился горец. – Я не могу заставить Бастарза забыть про *такую* клятву. И заставить тебя выполнить свой долг – тоже.

– Я не собираюсь от него отказываться! – вспыхнула я. – Мой майягارد столько раз спасал мне жизнь и честь, что это – самое малое из того, что я должна была для него сделать!!!

– Тогда почему ты тут, а не с ним?

– Сядь... Расскажу...

Подумал. Сел. Поудобнее передвинул меч. И вопросительно уставился на меня.

Я набрала в грудь воздуха и начала:

– На пятый день четвертой десятины второго лиственя

⁴¹ Снежный Барс – прозвище Бастарза.

мой отец получил письмо от короля Шаграта Латирдана. И, наскоро собрав и вооружив воинов, умчался ему на помощь. А в ночь на шестой день замок захватили оранжевые⁴²...

– Ты ничего не путаешь, ашиара? – перебил меня хейсар. – Твой отец... э-э-э... не добрался до Аверона...

– Ты хотел сказать, что он был одним из заговорщиков? Не был! Он действительно ехал на помощь его величеству, но по дороге попал в засаду, устроенную вассалами графа Иора, и погиб. Если ты сомневаешься в моих словах, то можешь спросить у графа Грасса – доказательства того, что моего отца зарубили именно оранжевые, он уже получил. А в ближайшее время он удостоверится и в том, что они захватили Атерн!

– Спрошу, – кивнул Арвазд. – Потом. Рассказывай дальше...

– За несколько часов до нападения в замок въехали жонглеры. Когда отец уехал, мой младший брат, Волод, предложил мне пойти и посмотреть на тех зверей, которых они привезли с собой. Я согласилась и сдуру решила погладить акрида, сидящего в одной из клеток...

– Зачем? – ошалело воскликнул десятник.

– Он был таким красивым, – опустила взгляд я. – А что это рыжее чудо – хищник, я не знала.

– Хм... Пожалуй, чудом я бы его не назвал. Впрочем, если смотреть через решетку клетки, то смотрится он ничего.

⁴² Оранжевый с черным – родовые цвета рода Варланов. См. 1-ю книгу.

– Я так и смотрела, – вздохнула я. – В общем, мне повезло – в каретный сарай, где стояли клетки, как раз вошел Бездушный, прибывший вместе с жонглерами. Он увидел, что я тянусь к акриду, и убил его метательным ножом...

– Ты должна ему жизнь, – без тени улыбки сказал десятник. – Если бы тебя укусил акрид, тебя бы не спас даже ваш «всесильный» Вседержитель...

– Тогда я этого не знала. И в ужасе унеслась в свои покои. А ночью, как я тебе уже говорила, оранжевые захватили Атерн. Брата – убили. Маму сначала ссильничали, а потом, скорее всего... тоже... В общем, то же самое случилось бы и со мной, если бы не Кром – когда начался бой, он пробился к моей спальне и вытащил меня из замка.

– А почему именно тебя?

Я опустила взгляд и пожала плечами:

– Не знаю. До сих пор... Так вот, когда я проснулась и увидела его перед собой, то дико перепугалась и потеряла сознание – он был с головы до ног в крови и держал в руках Посох Тьмы...

В глазах хейсара промелькнуло что-то вроде насмешки. И я взбеленилась:

– Тебя удивляет, что я испугалась? Почему?! Я – девушка, а не воин! А во всех историях, которые я когда-либо слышала о Бездушных, они описывались самыми настоящими зверями: упивались чужой болью, вытягивали в Посох Тьмы души тех, кто попадался им в руки, и сутками мучили свои

жертвы! Я искренне верила в эту ерунду и...

– Разве это ерунда? – удивился хейсар.

– Дослушай до конца – и ответишь на этот вопрос сам.

– Хорошо. Рассказывай.

– Выбираясь из замка со мною на руках, Кром был вынужден спрыгнуть со стены в ров с водой. Я была без сознания, поэтому захлебнулась. Он вытащил меня на берег, откачал и унес в лес. А когда я отогрелась у разведенного им костра и начала соображать, поинтересовался, куда меня можно отвести. Я решила, что он выкрал меня из дому для того, чтобы сделать из меня *ключ*, и решила идти туда, где с ним точно справятся – в замок графа Грасса.

– Он же был захвачен людьми графа Иора?

– Да. Был. Но мы узнали об этом, когда въехали на постоялый двор в Сосновке. А по дороге до Сосновки Кром еще трижды спас мне жизнь – когда мы столкнулись с нашим духовником и слуга Ордена Вседержителя, презрев свои обеты, попытался меня убить; на въезде в Меллор, когда я приглянулась местным грабителям. И на выезде из него – приблизительно в такой же ситуации...

Странно, но упоминание о том, что слуга Бога-Отца пытался меня убить, горца несколько не удивило – вместо того, чтобы выразить сомнение в моих словах, он усмехнулся и шевельнул пальцами – мол, продолжай!

А вот на лице Магды появилось плохо скрываемое сомнение.

На ее реакцию мне было наплевать, поэтому я убрала со щеки непослушную прядь и вздохнула:

– В Сосновке от нас отвернулись боги. На миг. Но этого хватило – не успели мы вселиться в комнату, как на постоянный двор нагрянули оранжевые. И решили развлечься, ссильничая женщин и грабя мужчин...

– И?

– Кром их убил. А потом забрал их лошадей и увез меня в какой-то полуразрушенный охотничий домик в лесу...

– И конечно же, при этом не получил ни царапины... – фыркнул десятник.

– Почему это? – возмутилась я. – Его ранили. Довольно серьезно. Поэтому несколько дней он лежал пластом и не мог сходить даже за водой...

– А ты?

Я покраснела до корней волос:

– Я тоже. Боялась стаи волков, которая пришла на запах крови и задрала наших лошадей...

– М-да-а-а...

– Потом раны Крома слегка затянулись и он начал выходить. За водой и на охоту. Во время одной из таких отлучек я услышала стук в дверь и сдуру ее открыла. Оказалось, что это – не Меченый, а шайка лесовиков, пытавшаяся спрятаться от ваших воинов. Видимо, в этот момент кто-то из богов смотрел на меня, так как Кром вернулся до того, как они. В общем, я не пострадала...

– А Бездушный, еще не оклемавшийся от ран, конечно же, опять всех убил, – усмехнулся Арвазд. – Да он у тебя воистину вместилище Двуликого!

– Могу дать Слово!

– Одно Слово ты уже не сдержала...

Несколько долгих-предолгих мгновений я сдерживала рвущиеся наружу слезы, а потом неожиданно для себя оказалась на ногах, решительно шагнула к десятнику и требовательно вытянула перед собой руку:

– Кинжал!

Он усмехнулся, встал и вытянул из ножен клинок:

– Держи.

Я снова задрала рукав, от души полоснула клинком по предплечью и, чеканя каждое слово, произнесла:

– Я, баронесса Мэйнария из Атерна, клянусь *кровью своего рода*, что не сказала Арвазду из рода Усмаров ни слова лжи.

– Добавь «кровь от крови твоей, Барс!» – потребовал горец.

Я повторила. И, вовремя вспомнив о том, как хейсары заканчивают клятвы на крови, прикоснулась к ране губами...

Горец вздрогнул, диким взглядом уставился на мои окровавленные губы и глухо спросил:

– Ты понимаешь, что ты сейчас сделала?

– Понимаю.

– Зачем?!

– Я – гард’эйт Крома Меченого! Я не разделила его судьбу только потому, что женщина: меня *назвали* эйдине и силой привезли в этот дом. Ты – сын увея Бастарза, мужчина и воин! Проверь то, что я сказала. И помоги мне сдержать Слово...

Глава 7

Король Неддар Третий, Латирдан

Седьмой день четвертой десятины третьего лиственя

– Присядем? – предложил Неддар, остановившись рядом с аркой из цветов, через которую можно было пройти в небольшой кабинет⁴³ из кустов барбариса и кизильника.

Баронесса Кейвази подошла поближе, заглянула в уютный зеленый грот, полюбовалась на резную скамейку, прячущуюся в нише из причудливо переплетенных побегов, и отрицательно помотала головой:

– Это место создано для признаний в любви, пылких поцелуев и ласк, сир! А вы пригласили меня прогуляться по парку и побеседовать о жизни.

Латирдан испытующе взгляделся в глаза своей спутницы и... ляпнул:

– Леди Этерия, вы прямые, как белогорская стрела!

Девушка склонила голову к плечу и ехидно улыбнулась:

– Потрясающий комплимент, ваше величество! Жаль, что

⁴³ Кабинет – элемент ландшафтного дизайна, группа декоративных кустов и деревьев, расположенных по периметру.

мне не хватает жизненного опыта, чтобы оценить всю яркость приведенной вами аналогии и глубину вложенного в этот комплимент смысла.

– М-да... Звучит действительно своеобразно, – вынужден был признать король. Потом по-простецки почесал затылок и попробовал объяснить: – Знаете, леди Этерия, семь из десяти девушек, оказавшись на вашем месте, приняли бы мое предложение, не задумываясь. Еще две начали бы кокетничать, но не особо усердствуя – так, чтобы я, прежде чем добиться своего, понял, насколько они чисты и непорочны. Последняя, десятая, произнесла бы полуторачасовую речь о недостойности такого поведения в отношении незамужней девушки, при этом ненавязчиво намекая мне на то, что в принципе она готова на все. Но лишь в качестве законной супруги.

– А я?

– А вы не обрадовались возможности стать моей фавориткой, не стали рассказывать о том, что пребывание со мной наедине обязательно дискредитирует вас в глазах всего двора, и не использовали это предложение, чтобы заставить меня смотреть на вас как на возможную супругу.

– Может, я просто не преследую столь далеко идущих целей? – усмехнулась баронесса.

– Собственно, это я и пытался сказать, – кивнул Неддар. – Ваши слова – отражение истинных мыслей, а не красивая оболочка, скрывающая под собой гниль. Это подкупает.

Улыбка, игравшая на губах леди Этерии, тут же пропала:

– Мой ответ можно объяснить и по-другому. Например, вот так: вы – король. То есть верховный сюзерен для всех дворян Вейнара. Значит, просто обязаны быть эталоном чести и достоинства. А раз так, то мне нет необходимости быть правильной или умной – достаточно верить в то, что вы, пригласив меня на эту прогулку, взяли на себя ответственность за все ее возможные последствия.

Слово «верить», прозвучавшее в ее словах, неприятно царапнуло сознание, напомнило Неддару об Ордене Вседержителя и... натолкнуло на мысль о том, что вера – это костыль, заменяющий разум. А те, кто с ее помощью урывают себе место под солнцем, по сути, пользуются человеческой глупостью.

– Видите, вы задумались, – с легкой грустью в голосе сказала баронесса.

– Я задумался не об этом, – мгновенно забыв о насущных проблемах, виновато буркнул король. – А о некоторых гранях понятия «верить». Что касается вашего ответа – я уже имел возможность убедиться в вашем уме, и мне нет никакой необходимости искать этому еще какие-то подтверждения.

– Вы мне льстите.

– Ничуть! – покачал головой Латирдан. – Кстати, могу сказать больше: вы не только умны, но и видите мир не так, как все остальные. Я пригласил вас на эту прогулку именно для того, чтобы понять, как именно...

Вместо того чтобы воспринять сказанное как комплимент и улыбнуться, леди Этерия помрачнела еще больше и даже сдвинула брови к переносице:

– Тогда как это приглашение сочетается с предложением уединиться?

Неддар пожал плечами:

– Сейчас объясню. Если, конечно, вы перестанете хмуриться и пообещаете не делать каких-либо далеко идущих выводов до того, как я договорю.

Баронесса утвердительно кивнула и даже попробовала улыбнуться, но, увы, улыбка получилась какой-то вымученной.

Почувствовав, что настроение начало портиться и у него, Латирдан собрался с мыслями и заговорил:

– Я вейнарец. Настоящий. Но только по крови! А по воспитанию – хейсар. Да, с раннего детства меня учили всему, что должен знать и уметь монарх, но эта учеба занимала в разы меньше времени, чем тренировки, набег и охота. Жизнь в Шаргайле была проста и понятна, а рассказы о дворцовых интригах и заговорах казались не более правдоподобными, чем те жуткие истории, которыми по ночам меня пытались напугать мальчишки постарше. Я слушал, запоминал, но не принимал близко к сердцу, ибо не мог поверить в то, что мужчины способны предавать, интриговать или трусить, а женщины – плести интриги, кого-то подсуживать или тра-

вить. Поэтому, когда погиб Кортарен⁴⁴ и отец вызвал меня в Аверон, я, обнаружив, что чуть ли не весь двор увлеченно играет в игру под названием «урви кусок пожирнее», растерялся. А потом почувствовал себя в грязном, зловонном болоте. В общем, решив держаться от этих «мужчин» и «женщин» как можно дальше, я вызвал из Шаргайла пару сотен хейсаров и сразу после их приезда умчался в Алат, мстить.

Неддар перевел дух, жестом предложил баронессе продолжить прогулку и угрюмо посмотрел на серые облака, затянувшие небо:

– Увы, Бастарз смотрел куда угодно, но не на наш род – не успел я взять Карс, как в Авероне вспыхнул мятеж.

– И граф Иор Варлан убил вашего отца, – опустив взгляд, выдохнула леди Этерия.

– Именно, – кивнул Латирдан. – Я вернулся, подавил мятеж и по ряду причин оказался вынужден сидеть во дворце и жить «нормальной вейнарской жизнью».

Уловив сарказм, вложенный в три последних слова, баронесса развела руками:

– Ну да, вы – король. Значит, большую часть времени должны находиться в столице.

– Вы правы. Поэтому мне пришлось учиться видеть в людях второе дно и окружать себя теми, кому можно доверять. Потом я обратил внимание на вас...

– ...и попытались найти второе дно еще и во мне?

⁴⁴ Кортарен – старший брат Неддара.

– Нет! Я захотел понять, не можете ли вы стать мне другом...

Баронесса недоверчиво приподняла бровь:

– Другом? Я – девушка, сир! Значит, до свадьбы должна быть тенью своего отца, а после – тенью мужа.

– В Шаргайле таких девушек презрительно называют урр'эйт⁴⁵. И крайне редко приводят к домашнему очагу⁴⁶.

Леди Этерия сбилась с шага:

– Почему?!

Неддар вспомнил притчу о Шарги Каменном Копье и Хатии Цветке Заката и усмехнулся:

– Вместо ответа я процитирую слова мудреца из одной хейсарской притчи: *«Ты красива. Значит, можешь вызвать огонь в чреслах самого могучего воина нашего народа. Но, как только твоя красота превратится в тлен, тот, кто приведет тебя к своему очагу, прозреет. И увидит, что сын, которого ты ему родила, держит в руках веретено, а не меч...»*

– Образно. И не лишено смысла, – задумчиво пробормотала баронесса. Потом прищурилась и посмотрела на короля: – Значит, приглашая меня уединиться, вы меня провоцировали. Ну, и какой вы сделали вывод, сир, когда я отказалась?

– Я в замешательстве, – признался Неддар.

– В каком смысле?

⁴⁵ Урр'эйт – лишенный Слова. Или, говоря по-другому, воли.

⁴⁶ Привести к домашнему очагу – жениться.

– В самом прямом, леди Этерия! Я убедился в том, что вы не видите во мне мужчину, не пытаетесь использовать мой интерес, чтобы добиться чего-то для себя или для своего рода, и не ищете подходов к моей душе! Однако, не преследуя никаких корыстных целей, вы тем не менее соглашаетесь на мое приглашение прогуляться и побеседовать...

В глазах баронессы замелькали озорные искорки:

– Ну, в общем, вы правы...

– А в частности? – воскликнул король.

Искорки тут же пропали:

– Вы действительно хотите это знать?

– Да. Очень.

Баронесса остановилась, сложила веер, которым изредка обмахивалась, левой рукой разгладила невидимую складку на платье и... решила:

– Я действительно не преследую никаких корыстных целей. И пока вижу мужчину только в своем отце. Вы – мой сюзерен. И единственный человек во всем Вейнаре, которого заинтересовала не моя внешность, титул или богатство рода Кейвази, а мои мысли. Поэтому я первый раз в жизни почувствовала себя в чем-то равной мужчинам. И, каюсь, не смогла отказаться от возможности насладиться этим чувством еще раз.

Выражение «вижу мужчину только в своем отце» прозвучало более чем тактично, однако все равно задело за живое. Король сжал зубы и... заставил себя расслабиться: баронесса

нашла в себе мужество сказать правду, зная, что она может и не понравиться!

– Вы порядочны, умны, честны и тактичны, – уважительно склонив голову, сказал Неддар. – Таких людей – очень немного. Поэтому я бы хотел, чтобы вы вошли в мой ближний круг...

Баронесса опешила:

– Куда вошла, сир?

Неддар сообразил, что его предложение звучит более чем странно, и махнул рукой:

– Я не в том смысле! Я хотел сказать, что предлагаю вам свою дружбу...

Девушка облегченно перевела дух и улыбнулась:

– Вот так – всегда: только вообразишь себя Первым министром, как оказывается, что тебе послышалось...

Латирдан представил ее на коне, в латах и во главе несущейся в атаку Первой Тысячи и расхохотался:

– Нет, только не им! Пожалуйста!!!

– Почему, сир? Вы только подумайте: я могла бы давать вам умные советы, важно ходить по дворцу...

– ...с неподъемным двуручным мечом на плече, – в унисон ей добавил Неддар, – и пугать меня и моих вассалов измученным взглядом из-под сползающего на плечи шлема.

Баронесса захлопала ресницами и «сокрушенно» вздохнула:

– А что, без двуручника никак нельзя?

– Можно, – улыбнулся король. – Например, с книгой. Но тогда придется забыть о должности Первого министра.

Леди Этерия посерьезнела:

– А ведь вы не шутите, сир!

– Не шучу, – кивнул Неддар. – Я хочу предложить вам должность моей личной чтицы. Если вы ее примете, то будете важно ходить по дворцу с каким-нибудь древним свитком, изредка зачитывать мне душещипательные отрывки из рыцарских романов, куртуазные сонеты или глубокомысленные изречения древних мудрецов и... довольно часто сможете чувствовать себя в чем-то равным мужчинам. Кстати, покои, которые вам будут положены по статусу, располагаются по соседству с покоями графа Грасса. Так что у вас появится хорошая возможность убедиться, что он передвигается по дворцу исключительно в доспехах.

Баронесса выпятила нижнюю губу, закатила глаза и, копируя голос Неддара, заговорила:

– Семь из десяти мужчин, оказавшись на вашем месте, сир, рассказали бы мне о денежном содержании, которое я буду получать, и о тех возможностях, которые даст мне близость к трону. Еще двое стали бы восхищаться тембром моего голоса и утверждать, что не мыслят себя без чтицы, способной превратить сухие строки никогда не читанных ими книг в зримые и полные жизни картины. Последний, десятый, произнес бы полторачасовую речь о том, что, приняв это предложение, я окажусь под королевской защитой и тем

самым получу иммунитет к досужим сплетням и злословию. И дал бы мне понять, что чтица – это не столько должность, сколько первый шаг к чему-то большему.

Интонация и стиль построения монолога оказались настолько похожими на тот, который произнес Неддар, что он не смог удержаться от улыбки. И, в свою очередь, попытался поддразнить баронессу:

– А я?

– А вы предложили мне в свободное время понаблюдать за графом Грассом!!!

– Ужас!!!

– Ужас, – притворно потупив взгляд, хихикнула баронесса. Потом посмотрела Неддару в глаза и вздохнула. Уже по-настоящему: – Ваше величество, дружба – это огромная ответственность и... равенство! Вы – король, а я – ваш вассал. Вы – мужчина, а я – девушка. Вы обладаете свободой воли, а я – нет.

Неддар растерялся:

– Вы... отказываетесь?

Леди Этерия слегка покраснела и отрицательно помотала головой:

– Нет, сир! Я хочу попробовать. Очень! Но... у меня еще не было друзей. Поэтому я боюсь вас разочаровать. И... разочароваться...

Глава 8

Баронесса Мэйнария д'Атерн

Восьмой день четвертой десятины третьего лиственя

Оглядев меня с ног до головы, граф Грасс помрачнел еще больше. Хотя еще вечером я была уверена, что своей встречей с десятником Арваздом довела его до крайней степени недовольства:

– Леди Мэйнария! Вы что, целенаправленно пытаетесь помешать мне выполнить свой долг по отношению к вам и вашему отцу?

– С чего вы взяли, ваша светлость?

– Ваше платье... – зарычал он и задохнулся. Видимо, не сумев найти ни одного эпитета, с помощью которого можно было прилично описать творение мэтра Лауна.

Позволять ему снова разговаривать со мной на повышенных тонах я не собиралась. Поэтому вскинула подбородок и холодно процедила:

– Ваша светлость, кажется, вы забыли, что я в трауре!

– Не забыл! Просто вижу, что вы в своем стремлении... э-э-э... в общем, переходите границы разумного!

Я мысленно усмехнулась: иссиня-черное траурное платье с кроваво-красными вставками над левой грудью, символизирующими кровоточащее сердце, и поясом того же цвета действительно выглядело излишне мрачным. Даже для чело- века, в одночасье потерявшего всю семью. Однако ехать на аудиенцию к королю, ограничившись одной лишь траурной ленточкой на плече⁴⁷, я не собиралась. И не только потому, что со дня гибели моих родных прошло чуть больше месяца – просто я считала, что такой образ оставит королю меньше свободы для маневра.

– Может, вы присмотрите в гардеробе моей супруги что-нибудь менее вызывающее? – не дождавшись от меня реак- ции на свои слова, примирительно предложил Рендалл.

– Вы очень любезны, ваша светлость... – расправив чер- ное кружево на запястье, ответила я. – Однако я вынуждена отказать. Ибо мой туалет как нельзя лучше соответствует состоянию души.

Граф закусил ус, нервно сжал кулаки и зачем-то процити- ровал мне Агира из Мельена⁴⁸:

– «Любое отступление от золотой середины есть грех. Ибо вызвано либо слабостью, либо гордыней...»

– Мне кажется, тут больше подойдет цитата из Изумруд-

⁴⁷ Мэй выбрала «большой» траурный наряд. А по местным традициям, при посещении королевского дворца или светских раутов рекомендуется ограничи- ваться «малым» – черной траурной лентой с алыми вставками, закрепляемой на левом плече.

⁴⁸ Агир из Мельена – один из известнейших философов Горгота.

ной Скрижали: «Чти отца своего и мать свою как при их жизни, так и после того, как они уйдут к Вседержителю. Ибо ты – плоть от плоти тех, кто тебя породил...»

– «Умный держит прошлое на расстоянии вытянутой руки, дабы с его помощью торить путь в будущее. Глупый живет прошлым всю свою жизнь!» – воскликнул граф Грасс. И, увидев, что я нахмурилась и побледнела, торопливо вцепился мне в руку: – Леди Мэйнария! Поверьте, я не имел в виду ничего плохого! Я любил и уважал ваших родителей, я скорблю по ним вместе с вами, но мы едем в королевский дворец! И не просто во дворец, а на аудиенцию к самому королю Неддару! Значит, вы обязаны выглядеть так, как того требует этикет!

Я еще раз посмотрела на себя в зеркало и отрицательно помотала головой:

– Простите, ваша светлость, но по-другому я не могу...

Рендалл скрипнул зубами и сдался:

– Хорошо... Извольте следовать за мной – карета подана...

«Карета подана...» – мысленно повторила я и закусила губу. Вспомнив, как ждала этой фразы весь вчерашний день и чем закончилось это ожидание.

...Процесс укладки прядей в замысловатую прическу я почти не запомнила – вместо того, чтобы смотреть на то, что делает с моими волосами куаффер Рендаллов, я прислушивалась к звукам, доносящимся со двора.

Увы, вместо скрипа колес или ржания лошадей до меня доносились то чей-то командный рев, то звон железа, то истеричные вскрики какой-то особо голосистой тетки.

Наконец, когда я исчерпала все свое терпение и поинтересовалась у Магды, когда будет готова карета, она сделала круглые глаза и захлопала ресницами:

– Зачем вам карета, ваша милость?

Я напомнила ей о своем желании посетить лавку мэтра Лауна и опешила: оказалось, что портной уже в особняке! Причем не один, а с приказчиком, парой помощников и со всем, что может пригодиться для переделки моего платья!!!

Видимо, удержать лицо мне все-таки удалось, так как служанка, в глазах которой после моего вопроса появилось плохо скрытое торжество, слегка расстроилась. И, услышав мое «скучающее» «ну, тогда веди!», умудрилась споткнуться о порог и здорово приложиться скулой к косяку двери.

Примерка и подгонка платья по фигуре тоже прошли в каком-то тумане – я послушно поднимала и опускала руки, поворачивалась вправо-влево, приседала в реверансе и вставала на цыпочки. И при этом судорожно пыталась убедить себя не отчаиваться: да, мажордому и начальнику охраны особняка удалось меня переиграть, но сдаваться-то я не собиралась!

Увы, в то, что следующую мою идею не постигнет та

же участь, верилось слабо – и тот и другой были намного старше и в разы опытнее, чем я. В общем, к моменту, когда портной счел платье готовым и угрюмо предложил мне оценить его работу, я пребывала в омерзительнейшем настроении. Однако стоило мне заглянуть в зеркало, как настроение стало стремительно улучшаться: черное траурное платье очень сильно подчеркнуло бледность моего лица, а алые вставки на груди сделали заметнее красноту и лихорадочный блеск глаз. И вместе со слегка старомодным фасоном превратили меня в подобие ожившего воплощения Темной половины Двумликого. Хотя, наверное, так показалось только мне – судя по реакции мэтра Лауна, у него я вызвала не ужас, а жалость:

– Простите, ваша милость! Видимо, я неправильно понял ваши объяснения. Платье получилось... несколько неудачным... Оно делает вас... э-э-э... взрослее... И чересчур мрачной... Поэтому... давайте я пошью вам новое!

Пошить новое я, конечно же, согласилась. И заказала сразу три – это давало мне хоть призрачную, но все-таки надежду на возможность покинуть особняк Рендаллов хотя бы после того, как граф Грасс сочтет, что передвигаться по улицам Аверона в карете с его гербом не так опасно. А вот принять часть денег за «не получившееся» отказалась: на мой взгляд, оно как нельзя лучше соответствовало моим планам.

Обрадованный мэтр Лаун велеречиво поблагодарил меня

за проявленное великодушие, выразил надежду на то, что я и впредь буду пользоваться его услугами, и поспешил откланяться. Видимо, чтобы успеть уехать до того, как я переделаю.

За ужином я, наконец, придумала, как облегчить Кромю процесс ожидания суда. И, уронив ложку на пол, радостно уставилась на стоящего у двери мажордома:

– Вы не могли бы выделить человека, который мог бы три раза в день ездить в королевскую тюрьму и передавать моему майягарду корзинку с едой?

Вассал графа Грасса подумал и неожиданно для меня согласился:

– Могу, ваша милость! Только не уверен, что до него дойдет хоть корочка хлеба.

– Я буду давать денег! – воскликнула я, вскочила на ноги, чуть ли не бегом бросилась к дверям в опочивальню и застыла, услышав из коридора разгневанный рев хозяина дома.

Я криво усмехнулась: судя по обрывкам доносящихся до меня фраз, ему доложили не только о том, что я беседовала с Арваздом из рода Усмаров, но и о содержании беседы.

Так оно и оказалось – не прошло и двух минут, как дверь в гостиную распахнулась, и красная, как вареная свекла, Магда с придыханием объявила:

– Ваша милость, к вам граф Рендалл!

Я кивнула головой и удивленно приподняла бровь: за ее спиной возник донельзя мрачный Грасс! До того, как я раз-

решила!

Отодвинув в сторону служанку, он в сердцах швырнул на ближайшее кресло свой плащ и рывкнул:

– Леди Мэйнария? Нам с вами надо поговорить!

Потом наткнулся взглядом на мажордома и заорал чуть ли не на весь дом:

– Все вон! Живо!!!

Слуг как ветром сдуло: в мгновение ока захлопнулась дверь, за ней простучали каблуки и настала тишина, изредка прерываемая хриплым дыханием графа.

Перечить хозяину дома, да еще и находящемуся в таком состоянии, было глупо. Поэтому я пожала плечами, вернулась к своему креслу и опустилась на сиденье:

– Я вас слушаю.

Грасс нервно стиснул пальцы на рукояти своего меча и угрюмо посмотрел мне в глаза:

– Скажите, леди, какого... э-э-э, зачем вы выложили этому хейсару... э-э-э... историю своих странствий?

– Этот, как вы выразились, хейсар – сын увея Бастарза. Он хотел удостовериться, правильно ли я дала клятву.

– Мало ли что он хотел? – взбеленился Грасс. – Я, быть может, хочу занять место Раксиза Ал'Арради или Седрика Белоголового!

– Я не имею ничего против, – ледяным голосом сказала я. – Занимайте!

Рендалл поперхнулся, скрипнул зубами и соизволил успо-

коиться:

— Прошу прощения за этот срыв. Просто я за вас беспокоюсь и...

— Ваше беспокойство заходит слишком далеко: мало того, что вы запрещаете мне покидать дом, так еще и препятствуете общению с законопослушными гражданами Вейна-ра. Вам не кажется, что это как-то не вяжется с вашим утверждением о том, что вы — друг моего отца?

— Я пытаюсь оградить вас от...

— Ограждать можно по-разному! — не дав ему договорить, тем же тоном продолжила я. — Скажем, вы можете бросить меня в темницу. Или приказать своим вассалам меня придушить. Ну, чтобы я точно не могла создать вам никаких проблем.

Рендалл побагровел, набычился и качнулся вперед:

— Я...

— Ваша светлость, я — не ваш вассал. Поэтому будьте любезны вспомнить о правилах хорошего тона. Или позвольте мне покинуть ваш гостеприимный дом!

Граф сглотнул, рванул ворот камзола и... весьма мило улыбнулся:

— У меня несколько новостей. Ваши слова о том, что замок Атерн захватили оранжевые, подтвердились. Я доложил об этом королю. Он очень расстроился и... В общем, завтра в час горлицы мы должны быть во дворце...

— Спасибо, я искренне благодарна вам за все, что вы для

этого сделали... А что с моим майягардом? Вы у него были?

При слове «майягард» графа перекосило. Однако следующую фразу он произнес так же спокойно, как и предыдущую:

– Нет, у него – не был. Зато говорил с дознавателем, который ведет это дело. Бездушный потребовал особого судопроизводства. Я, как член Внутреннего Круга короля Неддара, решил взять его дело под свой контроль.

– Благодарю, – вскочив со стула и присев в глубоком реверансе, выдохнула я. – Значит, в ближайшее время вы ознакомитесь с показаниями свидетелей и признаете его невиновным?

– Ознакомлюсь. Но не уверен, что в ближайшее – у меня, как вы, наверное, заметили, довольно много дел.

В то, что выбираться в город действительно небезопасно, я поверила только тогда, когда увидела рядом с каретой два десятка вооруженных до зубов воинов: отряд, способный разогнать сотню-другую лесовиков, собирался сопровождать нас в поездке по центральным улицам столицы!

– Неужели мятежников все еще так много? – поинтересовалась я у графа Грасса.

Он поудобнее пристроил раненую руку и сокрушенно вздохнул:

– Аверон довольно велик. Для того, чтобы перевернуть его вверх дном, нужно время...

– Понятно, – кивнула я и, вспомнив рассказы отца о том,

что некоторые лесовики любят стрелять в пассажиров карет, задвинула занавеску. На всякий случай.

Рендалл кивнул. Так, словно подслушал мои мысли. И, дождавшись, пока мы тронемся, негромко поинтересовался:

– Волнуетесь?

Я пожала плечами:

– Ну да, немного...

– Все будет хорошо, – обнадежил он. – Король Неддар молод, но справедлив. Узнав о том, что ваш замок был захвачен людьми графа Иора, он здорово расстроился.

– Вы вчера об этом уже говорили.

Граф Грасс вспыхнул, но все-таки заставил себя успокоиться:

– Да, говорил. Однако считаю нужным повторить еще раз. Ибо, несмотря на все свои многочисленные достоинства, наш верховный сюзерен... э-э-э... несколько вспыльчив. Любое не вовремя сказанное слово может вызвать его гнев... и, соответственно, немилость. Поэтому я убедительно прошу вас как можно меньше говорить и...

– ...и вообще предложить вам представлять мои интересы... – закончила я.

– Да! Именно так! Ибо я знаю и короля, и ту ситуацию, в которой он... э-э-э... оказался. И способен подтолкнуть его к нужному нам решению, не уязвив его самолюбия и монаршей гордости!

Ситуация была действительно аховая: в настоящее вре-

мя лен Атерн принадлежал не кому-то, а побратиму короля, графу Ваге Руке Бури из рода Аттарк. И передал его ему не кто иной, как Неддар Латирдан. Честно говоря, я не представляла, что должен сделать король, чтобы выйти из нее с честью. Ведь, забрав подарок обратно, он терял лицо перед побратимом, а не забрав – передо мной и всем остальным дворянством, умеющим делать выводы из самых неоднозначных ситуаций.

В общем, я подумала и кивнула:

– Хорошо, я постараюсь...

Видимо, Рендалл рассчитывал на менее многозначный ответ, так как раздраженно рыкнул:

– Стараться – мало! Надо делать!!!

– Как говорил мой отец, обещать что-либо можно только тогда, когда уверен, что сделаешь это в любом случае. Я – не уверена. Поэтому оставляю за собой право вмешаться в разговор, если мне покажется, что ваше понимание моих интересов отличается от этих самых интересов.

Граф побагровел, неловко шевельнул левой рукой, поморщился от боли и... согласился:

– Хорошо. Договорились.

Король Неддар оказался не таким уж и молодым: между его бровями лежали глубокие вертикальные складки, взгляд был тверд и исполнен властности, а в голосе звучала привычка повелевать:

– Грасс? Почему вы так долго?

– Доброго дня, сир! – поклонился Рендалл. – Час горлицы, как вы и приказали.

Латирдан кинул взгляд на мерную свечу и одним плавным, но до безумия хищным движением перетек на ноги:

– Ну да... Действительно... Извини...

Потом посмотрел на меня и помрачнел. Видимо, оценив глубину траура, который я демонстрировала своим нарядом.

Впрочем, чувствовать себя виноватым он, кажется, не любил, так как уже через мгновение в его глазах появилась решимость, а в жестах пропала даже тень нерешительности:

– Леди Мэйнария! Я, Неддар Третий, Латирдан, приношу свои искренние извинения в связи с ошибкой, допущенной по вине...

Он сжал кулаки так, что они аж побелели, затравленно посмотрел на хейсара, стоящего рядом с окном, и вздохнул:

– ...по моей вине! Ваш отец, барон Корделл, был верным вассалом моего отца! А я, поверив на слово тем, кто его оговорил, счел его одним из главарей мятежников...

Извинение от короля, да еще и принесенное в такой форме, поразило меня до глубины души. Поэтому я решила дать себе время на раздумье и озвучила первую подходящую цитату из тех, которые знала:

– Ваше величество, ошибаются даже боги! А кто мы против них? Никто...

При слове «боги» Неддар криво усмехнулся. Понять при-

чину такой реакции я не смогла, поэтому решила не забивать себе голову всякой ерундой и продолжила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.